054

Театръ и Искусство

Адресъ редакціи и главной конторы Моховая 45.
Отдѣленія: въ Москвѣ - въ конторѣ Н. Печковской—въ Одессѣ—при книжномъ магазинѣ С. В. Можаровскаго въ пассажѣ.
Рукописи, доставл. безъ обознач. гонорара, считаются безплатными.
Мелкія рукописи не сохраняются.
Телефонъ ред. № 1639.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ЖУРНАЛЪ „Театръ и Искусство".
Съ доставк. и перес. на годъ 7 р., на полг. 4 р.
Отд. №№ продаются по 20 к. Объявл.—40 к. со стр. пет.

1904 г. VIII годъ изданія. ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ. ВОСКРЕСЕНЬЕ, 7 Марта.

№ 10.

СОДЕРЖАНІЕ: Еще о русскомъ театрѣ въ Варшавѣ.—Письма изъ партера (III). *П. А—ва.*—Очерки японскаго театра. (I). *Н. Неторева.*—Призракъ Гамлета. *Б. Гаголина.* — Хроника театра и искусства.—Письма въ редакцію.—Съ актерскаго рынка.—*С. Свѣтлова.* — „Сецессіонъ" въ Пассажѣ. *А. Ростиславова.*—Маленькая хроника.—Письма изъ Саратова. *Обл.*—Провинціальная лѣтопись.—Объявленія.

Рисунки: „Королева Фіаметта", афиша японскаго народнаго театра, театральная улица въ Іокагамѣ, типы нашихъ художницъ (2 рис.).

Портреты: г-жи Олениной-д'Альгеймъ, † Кошица, † Вестера, г. Агарева, † Шеина.

Приложеніе: Кн. V. Блестящая пыль. Пов. *В. Берента* (прод.).—Драмат. искусство и артисты д-ра *Газемана*, пер. *П. П. Немвродова* (прод.).—Стихотвореніе. *З. Бухаровой.*—Сказки о любви (оконч.) *С. Сутугина.*—Библіографія *З. Х.*—Ошибка (эпизодъ житейской прозы) въ 1 дѣйствіи, соч. *С. Шевиль.*—„Около жизни", драма въ 4-хъ дѣйствіяхъ, соч. *И. А. Новикова.*

Продолжается подписка на 1904 г.

НА ЖУРНАЛЪ

„Театръ и Искусство"

(**ВОСЬМОЙ** годъ изданія).

Подписная цѣна—7 руб.—годъ, 4 руб. полгода.

Разсрочка **3** руб. при подпискѣ и по **2** р. къ 1 апрѣля и 1 іюня.

Подписчики получатъ всѣ вышедшіе №№.

Въ виду приближенія срока второго взноса (1 апрѣля) Контора покорнѣйше проситъ поспѣшить высылкою такового, во избѣжаніе перерыва.

За перемѣну адреса город. на иногор. и иногор. на городск. уплачивается 60 коп., за перемѣну город. на город. и иногор. на иногор.—25 коп. Необходимо прилагать старыя бандероли или указывать ихъ №№.

С.-Петербургъ, 7 марта 1904 г.

Не лишено характерности то обстоятельство, что по поводу отпущенныхъ, по Высочайшему повелѣнію, 400,000 руб. на постройку русскаго театра въ Варшавѣ, кромѣ нашего журнала, отозвались, не считая мѣстнаго „Дневника", только „Моск. Вѣдом." и „Гражданинъ", органы печати, достаточно опредѣленные по своей окраскѣ и, въ частности, по своему отношенію къ окраиннымъ вопросамъ. Отзывы и той, и другой газеты крайне сочувственные. „Моск. Вѣдом." предложили „всероссійскую подписку" на театръ, въ добавленіе къ 400,000 руб. „Гражданинъ" присоединился къ этому предложенію, и „продолжаетъ" эту мысль, называя театръ „Пушкинскимъ", чтобы поставить „памятникъ Пушкину не въ видѣ глыбы холоднаго, мертваго мрамора или бронзы, но въ видѣ прекраснаго театра, въ которомъ игрались бы пьесы, насъ оживляющія и возвышающія болѣе, чѣмъ какая бы то ни было статуя".

Все это прекрасно, и не намъ, конечно, возражать противъ столь благородныхъ мыслей. Но мы слишкомъ научены опытомъ. Въ концѣ концовъ, русскаго театра не было въ Варшавѣ вслѣдствіе тѣхъ самыхъ замѣчаній, какія дѣлаетъ „Гражданинъ"—что „существованіе въ Варшавѣ маленькаго русскаго театра не соотвѣтствуетъ общему величію Россіи и величію ея литературнаго и сценическаго искусства". На этомъ основаніи, и изъ соображеній не „умалять сознательно Россію", открытіе русскаго театра откладывалось ad calendas graecas. Русскіе въ Варшавѣ по прежнему принуждены были довольствоваться польскимъ театромъ, а русскіе актеры лишены были хорошей, большой, постоянной сцены.

Наконецъ, Высочайше отпущены 400,000 руб., и казалось бы, вопросъ рѣшенъ. Но вотъ, искренно сочувствующіе русскому театру въ Варшавѣ люди,—конечно, безъ всякой задней мысли,—начинаютъ повторять прежнюю ошибку, которой легко можно будетъ воспользоваться, и дожидаясь результатовъ „всероссійской подписки", снова отложить и отодвинуть дѣло до новыхъ „греческихъ календъ".

Развѣ не такъ можно толковать слѣдующія слова „Гражданина":

Многіе могутъ сказать, несмотря на всю мощь Россіи, что теперь неудобно, хотя бы и путемъ добровольныхъ пожертвованій, брать отъ русскихъ людей деньги на постройку театра·

Ленинградская Театральная Библиотека имени А. В. Луначарского

Но, въ такомъ случаѣ, если это дѣйствительно вѣрно, въ чемъ я сомнѣваюсь, то тогда лучше совсѣмъ пока не строить этотъ театръ, а подождать времени болѣе спокойнаго.

Что и требовалось доказать, на взглядъ тѣхъ, которые находили, въ интересахъ прекраснаго будущаго, нужнымъ откладывать устройство русскаго театра въ Варшавѣ.

Мы приводили данныя относительно сравнительной дешевизны домостроительства въ Варшавѣ. Изъ этихъ данныхъ слѣдуетъ, что денегъ, отпущенныхъ по Высочайшему повелѣнію, должно хватить на устройство вполнѣ порядочнаго и удобнаго зданія. Можетъ быть, въ немъ не будетъ великолѣпія, но оно совсѣмъ и не нужно. Нуженъ театръ, какъ художественное учрежденіе, безъ котораго русскіе люди въ Варшавѣ не въ состояніи удовлетворить одну изъ самыхъ насущныхъ культурно національныхъ потребностей, и въ томъ, что съ обѣихъ сторонъ театру въ Варшавѣ пытаются навязать чуждую ему роль и заключается причина того, что русскаго театра въ Варшавѣ нѣтъ. А дѣло гораздо проще, во-первыхъ, и гораздо серьезнѣе, во-вторыхъ. Оно проще потому, что русскій театръ, какой бы онъ ни былъ, необходимъ русскимъ людямъ въ Варшавѣ, причемъ „соревнованіе“ и „амбиція“ тутъ роли играть не могутъ. А серьезнѣе дѣло потому, что искусство имѣетъ предъ собою такія широкія и свѣтлыя задачи мирнаго проповѣдничества, что иныя цѣли отступаютъ на задній планъ. Опасеніе, какъ бы русскій театръ въ Варшавѣ не сталъ поперекъ дороги польскому, и обратно, какъ бы польскій не подорвалъ кредитъ русскаго театра,—и есть главный тормазъ въ этомъ первостепенной важности дѣлѣ.

Само собою понятно, что вопросъ лишенъ щекотливости, если смотрѣть на устройство русскаго театра въ Варшавѣ, какъ на мѣру политическую. Но для чего на нее такъ смотрѣть? Если извѣстные круги польскаго общества склонны это видѣть, то, во всякомъ случаѣ, нѣтъ нужды питать въ нихъ подобныя подозрѣнія. Совершенно естественно, что русское населеніе Варшавы желаетъ имѣть театръ. Вполнѣ понятно участіе государства въ расходахъ по содержанію этого театра. Мы не выходимъ и не должны выходить изъ круга мирныхъ культурныхъ задачъ. Русскій театръ въ Варшавѣ, несомнѣнно, сыграетъ свою роль, и крайне благотворную, если только съ самаго начала не придавать его учрежденію несвойственнаго ему характера.

Le mieux est l'ennemi du bien. Ни на чемъ не оправдывается такъ эта поговорка, какъ на учрежденіи русскаго театра въ Варшавѣ. Изъ-за „лучшаго“ откладывалось просто хорошее; изъ-за великолѣпнаго — нужное.

Мысль „Моск. Вѣдом.“ и „Гражданина“ будетъ, несомнѣнно, подхвачена всѣми тѣми, кто желаетъ отсрочить устройство русскаго театра въ Варшавѣ. Это не цѣль названныхъ газетъ, но результатъ ихъ тактической ошибки и излишняго „усердія“ въ окраинныхъ вопросахъ.

ПИСЬМА ИЗЪ ПАРТЕРА.

III.

Лѣтъ двѣнадцать назадъ на всемірной театрально-музыкальной выставкѣ въ вѣнскомъ Пратерѣ одно изъ самыхъ скромныхъ мѣстъ среди крикливыхъ громадъ бутафорскихъ вещей, выставленныхъ разными знаменитыми европейскими театрами, — занимала комнатка съ альбомами чертежей и набросковъ режиссерскаго управленія мейнингенскаго театра.

Мейнингенцы не выставили тогда ничего изъ своихъ знаменитыхъ бутафорскихъ вещей. Они, вѣроятно, сознательно, подчеркнули ту сторону своей дѣятельности, которая меньше всего обращала на себя вниманіе публики и отъ которой, главнымъ образомъ, зависѣла ихъ всемірная слава.

Въ альбомахъ мейнингенцевъ оживали старые замки—и исчезали кулисы. Режиссеръ цѣлымъ рядомъ чертежей помогалъ своему воображенію возсоздавать былую жизнь сохранившихся и до сихъ поръ дворцовъ временъ Маріи Стюартъ, и уличную жизнь народовъ временъ Орлеанской Дѣвы.

Какъ сейчасъ помню какой-то небрежный набросокъ плана дворца, сдѣланный для сцены у королевы Елизаветы. Видно было, какъ режиссера интересовалъ вообще бытъ дворца, жизнь королевы, ея свиты, а сцена изъ шиллеровской трагедіи являлась сама собой, какъ эпизодъ изъ жизни этого клубка людей.

И такихъ чертежей и набросковъ было множество. Я уже не помню, были ли на выставкѣ альбомы съ фотографіями дѣйствующихъ лицъ, облеченныхъ въ изумительные «мейнингенскіе» костюмы. Можетъ быть, и были, а, можетъ быть, и не были: была показана болѣе интересная сторона ихъ дѣла.

Прошло двѣнадцать лѣтъ. Знаменитыя берлинскія бутафорскія мастерскія «Гуго Барухъ» и «Верхъ и Флотовъ» выпускаютъ вещи болѣе, пожалуй, изумительныя, чѣмъ показывали во время своихъ гастролей мейнингенцы, а настоящихъ преемниковъ мейнингенцамъ все-таки нѣтъ въ Германіи.

Такъ нетрудно утерять «суть»: стоитъ только во-время не понять этой «сути».

У насъ очень много—и газеты, и публика—придаютъ значенія всякимъ мелочамъ: и впервые у москвичей застрекотавшимъ сверчкамъ, и вѣтру, у москвичей впервые зашевелившему занавѣски. Другіе театры, завидуя славѣ московскаго театра, понемногу ввели у себя всю эту ерунду, серьезно придавая «сверчку» такое значеніе, какое, думаю, не придаютъ ему и сами изобрѣтатели. *) Нѣкоторыя постановки Станиславскаго заставили другіе театры, ни съ того, ни съ сего, (а, конечно, изъ подражанія) нагораживать на сценѣ массу мебели; а зачѣмъ—неизвѣстно. Стали злоупотреблять паузами, и гдѣ нужно, и гдѣ не нужно.

Такъ и появленіе мейнингенцевъ вызвало въ нашихъ театрахъ желаніе блистать костюмами, бутафоріей и массовыми сценами, а не заглянуть въ дѣло поближе.

Когда пріѣзжали мейнингенцы, сколько разговору было о будто бы настоящемъ историческомъ

*) Сильно въ этомъ сомнѣваемся. Любезный апологистъ Художест. театра смотритъ на него влюбленными глазами, когда видитъ не то, что есть, а что желаетъ видѣть? Что жъ, будетъ спорить: изъ столкновенія мнѣній брызжемъ истина. *Прим. ред.*

хрусталѣ на пиру въ «Валленштейнѣ», и массивной двери въ темницѣ Маріи Стюартъ! Этому удивлялись, и больше всего этому, и печать и публика.

Негодовали въ то время,—да, негодовали—на грозу въ «Цезарѣ», которая будто была такъ интересно сдѣлана, что отвлекала вниманіе отъ пьесы.

Теперь по отношенію къ москвичамъ, то же самое. Напр., г. Буренинъ въ одномъ изъ своихъ театральныхъ фельетоновъ въ «Новомъ Времени» сердится на скрипъ блока въ моментъ ухода изъ типографіи рабочихъ въ «Штокманѣ» у москвичей.

Московскій «Штокманъ» представляется мнѣ пьесой наиболѣе удобной для того, чтобы исходя отъ этой постановки установить нѣкоторыя точки зрѣнія на дѣло интерпретаціи пьесъ, вообще.

Оставимъ въ сторонѣ вопросъ, вѣрно или невѣрно толкуетъ Станиславскій ибсеновскаго героя, онъ, во всякомъ случаѣ, даетъ цѣльное захватывающее толкованіе, захватывающее ровно настолько, насколько пьеса захватываетъ васъ въ чтеніи.

Штокманъ - Станиславскій человѣкъ, пожалуй, даже ограниченный, но его ограниченность не давитъ окружающихъ, какъ это случилось съ профессоромъ въ чеховскомъ «Дядѣ Ванѣ». Не смотря на то, что онъ ограниченъ и чудаковатъ, онъ, все же остается свѣтлымъ маякомъ не только для своей семьи, но и для друзей всякаго прогресса. Это милый чудакъ, энтузіастъ, свѣтлая личность, какія можно встрѣтить въ русскихъ интеллигентныхъ семьяхъ. И вы, вѣроятно, знакомы не съ однимъ русскимъ Штокманомъ, вспыхивающимъ, какъ порохъ, при соприкосновеніи съ первымъ встрѣчнымъ серьезнымъ общественнымъ дѣломъ. Эти люди никогда не нуждаются въ уютномъ углѣ, они вѣчно живутъ на людяхъ, у нихъ въ домѣ всегда толчется молодежь и въ такой домъ вы всегда входите какъ свой человѣкъ—двери тамъ всѣ настежь и въ кабинетъ хозяина и во всѣ спальни, и въ кухню, и въ столовую. Если у членовъ семьи есть свои секреты и секретики, и большія, и маленькія тайны, вы объ этомъ даже и не догадываетесь: настолько темпераментъ и откровенность нрава хозяина доминируютъ надъ всѣмъ остальнымъ въ такомъ домѣ.

Таковъ и домъ Штокмана у москвичей. Передъ вами, какъ на ладони, вся квартира, залитая и свѣтомъ, свободно проникающимъ съ улицы въ окна, и своеобразнымъ гостепріимствомъ, которое начинается съ всюду открытыхъ дверей и кончается шумными жизнерадостными тостами въ столовой.

И меблировка этого характернаго штокманскаго жилья не случайная: какіе-то малоуютные стулья, чуть ли не изъ бамбука, такіе же столы, явно пріобрѣтенные съ расчетомъ на бо́льшую гигіеничность; и стѣны просты, но не безразлично просты, а какъ-то необъяснимо характерны для жилища человѣка типа Штокмана. Въ «Штокманѣ» больше, чѣмъ въ какой либо другой пьесѣ, становится яснымъ, что вся эта обстановка не мѣшаетъ актеру, не подавляетъ его, но помогаетъ ему.

Обстановка другихъ актовъ «Штокмана»—типографія и залъ какого-то общественнаго собранія—въ такой же степени обдумана, какъ и обста-

OPÉRA-COMIQUE.

„Королева Фіаметта", новая опера М. Леру. (см. „загр. мелочи").

новка квартиры самого Штокмана, но не въ томъ смыслѣ, что деталей придумано много, а въ смыслѣ фона, необходимаго картинѣ. Напр., не ищите въ залѣ собранія никакихъ переднихъ, никакихъ сложныхъ перепективъ—здѣсь это никому и ни для чего не нужно, а потому ничего этого и нѣтъ.

Въ цѣломъ отъ московскаго «Штокмана» остается впечатлѣніе не только, какъ отъ тщательно поставленной, но вдохновенно въ сценическую плоть и кровь облеченной выдающейся по литературнымъ достоинствамъ пьесы.

Лѣтъ десять, а, можетъ, и больше назадъ покойный Киселевскій поставилъ въ свой бенефисъ въ театрѣ Корша тоже «Штокмана». Это было какъ разъ въ то время, когда Ибсенъ входилъ у насъ въ моду. Пьеса тогда провалилась. Не помню ужъ прошла ли она раза четыре. Самъ Штокманъ былъ неинтересенъ, но это бы еще полбѣды — пьеса оказалась неинтересной на сценѣ, не было драмы, не было борьбы, актеры играли *неубѣдительно*. Это послѣднее обстоятельство особенно памятно мнѣ потому, что «Штокманъ» въ интерпретаціи пьесы Станиславскимъ жилъ всѣми нервами этого маленькаго курорта, который вздумалось создать Ибсену; и мнѣ хочется думать, что это было такъ потому, что режиссеръ, настоящій художникъ, а не ремесленникъ въ области искусства, вдохновенно далъ плоть и кровь пьесѣ на театрѣ, совершенно такъ же, какъ и актеръ создаетъ художественный образъ, руководствуясь текстомъ своей роли.

На какомъ языкѣ въ данномъ случаѣ разговаривалъ режиссеръ съ труппой — судить не берусь, но думаю не ошибусь, если скажу, что режиссеръ, вѣроятно, не могъ бы сдѣлать и половины того, что мы видѣли, еслибы въ его рукахъ не было труппы актеровъ, принадлежащихъ, по техникѣ своего искусства, къ новой школѣ.

Въ предыдущемъ письмѣ я уже указалъ на то, что москвичи, перевернувъ понятія о задачахъ режиссуры, одновременно воспитали для себя артистовъ. Для меня еще не совсѣмъ ясно, въ чемъ это *воспитаніе* заключается, но изъ того обстоятельства, что этотъ театръ въ теченіе пяти лѣтъ обходился безъ специфическаго «любовника», начинаю думать, что главный секретъ состоитъ въ томъ, что всѣ актеры труппы въ основу своей работы кладутъ принципъ *характерности*.

Въ «Штокманѣ» въ *характерной* обстановкѣ, характерной и для ибсеновскаго реализма, и для героевъ пьесы, дѣйствовали *особенные* ибсеновскіе люди. Вы чувствовали бодрый тонъ автора, его протестующее міросозерцаніе. *) Все это было *характерно* для Ибсена, и это сдѣлалъ театръ, который умѣетъ находить и *характерность* Чехова.

Въ этой *характерности* я и вижу «суть» московскаго театра.

Но актеры и режиссеры московской труппы свою технику *характерности* довели до того, что вы, сидя въ партерѣ, и не замѣчаете этой техники.

Отрѣшитесь, смотря на игру москвичей, отъ мысли, что у нихъ «сверчокъ» — все, и тогда вы замѣтите много такого, чего не встрѣтите нигдѣ.

Напримѣръ, чеховскія пьесы вездѣ, кромѣ московскаго театра, даже въ исполненіи выдающихся артистовъ, начинаютъ казаться неинтересными; говорятъ, происходитъ это отъ того, что въ нихъ нѣтъ элемента «сценичности», которую мы привыкли требовать отъ драмы.

И въ самомъ дѣлѣ: «Чайка», «Дядя Ваня», «Три сестры», «Вишневый садъ» — на первый взглядъ это какія-то случайныя жизненныя комбинаціи, почти анекдоты изъ жизни мало замѣтныхъ людей. Но прочтите эти пьесы внимательнѣе, и вы увидите, какъ безжалостно глубоко теребитъ талантъ Чехова раны современной русской жизни, груститъ по этимъ ранамъ, а все-таки теребитъ ихъ, не можетъ не теребить. Это *характерно* для Чехова. И его будто бы случайные люди, это типы русскихъ людей, *характерные* для пониманія Чеховымъ современной намъ жизни.

Чтобы олицетворить подобныхъ людей на сценѣ, москвичи порвали со всѣми театральными традиціями. Вы не видите у нихъ ни у кого ни обычнаго для актеровъ неестественнаго передвиганія ногъ при ходьбѣ, ни опять-таки обычной позы на сценѣ. Зато получилась *характерная* подробность — зависимость человѣка отъ окружающей его обстановки и не въ видѣ актерскаго фортеля игры съ предметами, а въ видѣ той зависимости отъ платья, мебели, температуры, окружающихъ людей, что насъ такъ невидимо связываетъ въ жизни,— насъ, слабыхъ людей, въ которыхъ Чеховъ нашелъ что-то интересное.

И какъ игру русскихъ актеровъ ни считали до сихъ поръ самой реалистической, но для Чехова пришлось искать еще болѣе утонченный реализмъ, чѣмъ требовались для Островскаго и его преемниковъ.

Чеховскій реализмъ найденъ москвичами, а такъ какъ этотъ реализмъ требуетъ мелочей, то нѣкоторыя изъ этихъ мелочей, не находившія раньше мѣста на сценѣ, и поразили зрителей.

Перенеситесь опять мысленно къ «Штокману»: есть въ немъ что-нибудь въ пріемахъ игры и въ постановкѣ общее съ пьесами Чехова? конечно, нѣтъ! тамъ опять все характерно для Ибсена — и какая разница въ игрѣ актеровъ въ сравненіи съ исполненіемъ любой пьесы Чехова, точно люди съ другой планеты.

Люди «знающіе» стараются доказать, что все дѣло въ количествѣ репетицій. Да такъ ли? Мнѣ кажется, «знающіе» просто въ своемъ «знаніи» не сильны, а главное — не чутки.

Чѣмъ же тогда объяснить неудачныя постановки въ московскомъ Художественномъ театрѣ? А вѣдь такія постановки бывали тамъ. Напримѣръ, «Снѣгурочка» Островскаго, гдѣ было разсыпано много художественныхъ перловъ, но не было чего-то характернаго для этой изящной сказки; было все стройно, но тяжеловѣсно, грузно.

«Царь Ѳедоръ», наоборотъ, имѣлъ успѣхъ чрезвычайный, и имѣлъ прямо-таки чрезвычайное, легендарное количество репетицій, но я не сказалъ бы, что эта пьеса была инсценирована правильно. Въ предыдущемъ письмѣ мнѣ пришлось уже упомянуть о томъ, что стиль постановки не вязался съ стилемъ пьесы, что въ постановкѣ было больше проникновенія въ историческую суть русской жизни, чѣмъ это имѣетъ мѣсто въ трагедіи А. Толстого.

Въ постановкѣ «Царя Ѳедора»,—кстати сказать, этой пьесой и открылся театръ,—сказалось увлеченіе идеей *характерности*, нашедшей себѣ особенно тонкое выраженіе въ чеховской «Чайкѣ».

Петербургъ московскую «Чайку» не видалъ, намъ показали прежде всего «Дядю Ваню», и любители театра сразу поразились «полутонами», одной изъ самыхъ характерныхъ московскихъ особенностей инсценировки Чехова.

*) „Протестующее міросозерцаніе“ не должно быть и не можетъ быть облечено въ благородный, но пониженный, по тону, чудаковатый образъ самаго Штокмана. Возможно, что для успѣха пьесы Станиславскій поступилъ именно такъ, какъ нужно, „подогнавъ“ Ибсена „подъ себя“, но именно характерность“ Ибсена, его строгаго скандинавскаго, прямолинейнаго протеста здѣсь нѣтъ. *Прим. ред.*

Присяжные критики при этомъ придрались къ сверчку и вѣтру, колыхавшему занавѣску въ домѣ дяди Вани.

Представляю себѣ усилія провинціальныхъ режиссеровъ, пытавшихся изобрѣсти приборы для воспроизведенія вѣтра на сценѣ «по-станиславски»!

Боже, какъ меня заинтриговалъ этотъ вѣтеръ! Еще бы не заинтриговать—сколько объ немъ было толку въ газетахъ! Каюсь, слѣдомъ за знакомымъ литераторомъ я проникъ за кулисы Панаевскаго театра во время представленія «Дяди Вани» и, вѣжливо поклонившись старшему московскому плотнику, просилъ его показать, какъ дѣлаютъ у нихъ знаменитый вѣтеръ.

— А вонъ, ребята лежатъ! — объяснилъ тотъ.

И дѣйствительно, двое дюжихъ ребятъ плотниковъ лежали подъ окномъ, у котораго трогательно объясняются Соня съ своей мачехой, и прехладнокровно помахивали изрѣдка кускомъ наипростѣйшаго сѣраго картона!

Итакъ, — «суть» москвичей въ «характерности». Пусть другіе называютъ эту «суть» другимъ именемъ; мнѣ кажется дѣло не въ названіи *).

П. А—въ.

М. А. Оленина-д'Альгеймъ.

Первая познакомила публику Парижа, Брюсселя и др. заграничныхъ городовъ съ вокальными произведеніями поваторовъ русскаго искусства, въ особенности съ Мусоргскимъ. Съ успѣхомъ концертировала за границей и въ Россіи (Москва, Петербургъ, Кіевъ, Одесса и др.).

ОЧЕРКИ ЯПОНСКАГО ТЕАТРА.

I.

Извѣстный путешественникъ по Японіи, Гессе фонъ-Вортегъ, живые очерки котораго читаются съ большимъ удовольствіемъ, говоритъ: „Кажется нѣтъ другого народа, который былъ бы такъ страстно преданъ театру. Въ каждомъ мало-мальски большемъ городѣ имѣется театръ; въ Токіо, Кіото и Осакѣ ихъ по нѣсколько, и кому интересно присмотрѣться къ народной жизни въ Японіи, тотъ обязательно долженъ побывать въ театрѣ точно такъ же, какъ и на тѣхъ, необыкновенно оживленныхъ улицахъ, гдѣ они расположены, и гдѣ на каждомъ шагу попадаются чайные дома и разныя другія увеселительныя учрежденія **).

Но кромѣ городовъ, даже въ деревняхъ и мѣстечкахъ даются представленія странствующими и бродячими труппами актеровъ и „циркистовъ“. „Народный театръ“ есть въ полномъ смыслѣ слова „національное учрежденіе“. Кромѣ настоящихъ театровъ и аренъ, воздвигаютъ и временныя учрежденія. Устраиваются балаганы вродѣ нашихъ цирковъ, причемъ парусина замѣняется плетеными цыновками. Такой балаганъ („сумо“) легко узнать уже издали, по огромному стеченію публики. По сторонамъ балагана, стоятъ ряды склоненныхъ другъ къ другу бамбуковыхъ шестовъ, наверху которыхъ прикрѣплены разноцвѣтныя полосы матеріи, длиною отъ шести до восьми метровъ и шириною въ одинъ метръ, причемъ флаги эти испещрены надписями. У входа подмостки изъ бамбука, на которыхъ барабанщикъ ивлекаетъ громкіе и непріятные звуки изъ своего инструмента, сзывая публику.

Японецъ, имѣющій средства, охотно разыгрываетъ изъ себя мецената. Подарки артистамъ являются признакомъ хорошаго тона. Подносятъ почетныя знамена, куски матеріи, а чаще всего—боченки, „саке“ (рисовой водки).

Д-ръ Щусевъ такъ описываетъ одно изъ посѣщеній японскаго народнаго театра: Я бродилъ съ пріятелемъ японцемъ по улицамъ туземной Іокогамы и съ громаднымъ интересомъ вглядывался въ малознакомую и интересную для меня жизнь. Вокругъ двигались въ безпорядкѣ народныя массы. Приходилось лавировать и я порядочно усталъ. Въ это время мы подходили къ дому, освѣщенному у входа большими бумажными фонарями и украшенному національными бѣлыми флагами съ краснымъ солнцемъ посрединѣ. По стѣнамъ его были расклеены разрисованныя афиши. Это былъ народный театръ.

Я предложилъ зайти, но мой чичероне, прочтя наклеенную на стѣнѣ программу представленія, сталъ отговаривать меня, то позднимъ временемъ, то преимуществомъ уличной прогулки предъ сидѣніемъ въ театрѣ.

Я настаивалъ. Мы вошли и заняли ложу — небольшое квадратное пространство для четырехъ, огороженное низкимъ деревяннымъ барьеромъ и устланное цыновками вмѣсто стульевъ. Передъ и немного подъ нами помѣщался партеръ, раздѣленный переборками на небольшіе квадраты. Въ квадратикахъ этихъ сидѣла на циновкахъ, поджавъ подъ себя ноги, публика; тутъ были и старики, и дѣти, и женщины, и мужчины. Предъ многими изъ нихъ на полу стояли чайнички, чашечки, миканы *), кастера **). Публика соединяла, такимъ образомъ, пріятное съ полезнымъ.

Влѣво отъ насъ, сзади партера, были „кулисы“, вправо же на высокихъ подмосткахъ помѣщалась сцена. Глубина ея была задернута бѣлымъ занавѣсомъ.

Когда мы вошли, представленіе уже шло. По сценѣ неуклюже бѣгалъ на четверенькахъ актеръ, одѣтый въ шкуру бѣлаго медвѣдя. На него со всѣхъ сторонъ нападали съ оружіемъ въ рукахъ его собратья, одѣтые въ костюмы современныхъ японскихъ солдатъ. Медвѣдь храбро защищался и многіе изъ нападавшихъ лежали уже убитые ударами его лапъ, другіе съ крикомъ убѣгали.

Я обратился за разъясненіями къ спутнику.

— Медвѣдь бьетъ японскихъ людей,—нехотя отвѣчалъ онъ.

Дѣйствіе продолжалось и вскорѣ всѣ враги медвѣдя были уничтожены.

Вдругъ изъ-за кулисъ по мосткамъ, проложеннымъ сбоку партера, выбѣжалъ на сцену герой пьесы въ костюмѣ древняго „самурая“ ***) и кинулся на медвѣдя. Медвѣдь ринулся на смѣльчака и смялъ его подъ себя. Въ моментъ, когда онъ собирался отправить героя къ его родителямъ, на сценѣ снова появились солдаты, массой атаковали его и дали возможность жертвѣ улизнуть. Чудомъ спасенный герой улучшаетъ моментъ, ранитъ медвѣдя, и вмѣстѣ съ другими распинаетъ его на столбѣ и убиваетъ.

— И! И! Хо! Хо!—кричала публика, хлопая въ ладоши, когда медвѣдя волокли со сцены.

Но, насколько я замѣтилъ, радовались не всѣ, медвѣдь имѣлъ видно много доброжелателей.

Восторгъ и крики одобренія сдѣлались общими только тогда, когда сцена повернулась и глазамъ зрителей представилось волнующееся море. Вдали, на берегу, бѣлѣлъ фортъ. Передъ нимъ вскорѣ появились военные корабли и начался бой. Шумомъ выстрѣловъ не стѣснялись и канонада была довольно реальная. Черезъ нѣсколько минутъ фортъ запылалъ, а за нимъ при красномъ бенгальскомъ освѣщеніи стали эффектно взлетать на воздухъ корабли.

Пахло дымомъ бенгальскаго огня, въ воздухѣ раздавались звуки „и“ и „о“ и трещали апплодисменты.

Поздно ночью, придя къ себѣ въ гостинницу, я обратилъ

*) Мы позволимъ себѣ не согласиться съ авторомъ интересныхъ писемъ изъ партера относительно „характерности“, какъ худож. „сути“ „худож.“ театра. Нужно поправиться, и сказать: „*характерничаніе*“—тогда будетъ по нашему. Какъ есть „оригинальность“ и „оригинальничаніе“, такъ есть „характерность“ и „характерничаніе“. „Характерность“, какъ принципъ, противополагаемый сценической рутинѣ амплуа, есть теоретическій догматъ художественнаго театра, но вслѣдствіе отсутствія индивидуальнаго творчества артистовъ, не яркихъ по дарованію,—проведеніе этого догмата на практикѣ даетъ не столько „характерность“, сколько „характерничаніе“. *Прим. ред.*

**) „Японія и Японцы“, пер. Д. Шрейдера, стр. 105.

*) Мандарины.

**) Сладкій хлѣбъ.

***) Воинъ былого времени.

вниманіе на програму спектакля и прочелъ на ней по-англійски „A great Confusion in the fae east“ (the coming war between Japan and Russia) in eight acts“—„Великая смута на Дальнемъ Востокѣ“ (грядущая война между Японіей и Россіей) въ восьми актахъ. Бѣлый медвѣдь изображалъ Россію.

Тогда я понялъ, почему молчалъ мой японскій пріятель.

Американская реклама, съ ея большими пестро раскрашенными картинами, успѣла уже проникнуть въ Японію, и театральные фронтоны облѣплены пестрыми плакатами.

Къ театру обыкновенно примыкаются чайные домики съ полузакрытыми, украшенными фонариками, балкончиками и галлереями. Такими чайными домами, театрами и балаганами усѣяны нерѣдко цѣлыя улицы, вродѣ парижской „ярмарки въ билеты“. Нѣсколько монетъ („кашъ“) вручены продавцу, и получена дощечка. Семейные билеты продаются за нѣсколько дней до представленія—такъ сказать „коллективный абонементъ“.

Зайдемъ же въ театръ „многоуважаемыми ногами“, какъ говорятъ деликатные извозчики (рикши), когда на предложеніе прокатиться, прохожій отвѣчаетъ отказомъ.

Но для того, чтобы войти, кромѣ дощечки-билета нужно еще одно условіе. Нужно снять обувь съ „многоуважаемыхъ ногъ“. Сотни сандалій и соломенныхъ башмаковъ стоятъ у входа въ театръ. Какъ нельзя обутымъ войти въ храмъ или въ домъ друга своего, такъ нельзя обутому проникнуть въ театръ. У входа посѣтитель разувается, сдаетъ обувь „капельдинеру“, вѣшальщику, причемъ получаетъ новую деревяшку, номеръ обуви.

Наконецъ мы въ святилищѣ...

Н. Неофитъ.

ПРИЗРАКЪ ГАМЛЕТА.

Какъ извѣстно, трагедія начинается на террасѣ передъ дворцомъ. На стражѣ стоятъ Франциско и Бернардъ, приходятъ Горацій и Марцеллъ, Франциско уходитъ, появляется Тѣнь... Въ этой картинѣ среди дѣйствующихъ лицъ мы не видимъ принца, но все-же она—первая картина его душевной трагедіи. Въ дальнѣйшемъ теченіи пьесы Гамлетъ почти не сходитъ со сцены, но и здѣсь присутствуетъ онъ невидимо, таясь за этой молчаливой Тѣнью, за этими философствующими стражами, которые въ темнотѣ ночи, на ряду съ сверхъестественнымъ явленіемъ, кажутся какими-то бредовыми пятнами... Пѣніе пѣтуха, которое исключается на современныхъ сценахъ и которое представлялось необходимымъ Гаррику — единственное реальное явленіе. Оно спугиваетъ галлюцинаціи, гнѣздящіяся въ мозгу Гамлета, оно-же и прерываетъ первую картину.

Эту сцену, какъ увѣрялъ Gildon, Шекспиръ написалъ въ покойницкой или въ склепѣ среди ночи... По моему мнѣнію, мрачная, быстрая, какъ полетъ воспаленнаго воображенія, первая картина написана, какъ иллюстрація душевнаго состоянія Гамлета. Его помыслы, вотъ уже два мѣсяца, направлены туда, гдѣ погребенъ его отецъ,—отецъ, въ которомъ онъ, по молодости лѣтъ, не успѣлъ еще разочароваться. Мнѣ думается такъ: на террасѣ дежуритъ самая обыкновенная полусонная стража, а наверху во дворцѣ у окна вытянулась траурная фигура датскаго королевича. Это онъ ждетъ, всѣми силами своей шекспировской души, появленія Тѣни, онъ вперилъ горящіе глаза въ ночную глубь... Кругомъ тишина. Такая, что слышно — пробѣжала ли мышь. Вдругъ часы—бьетъ полночь! Душа Гамлета полна отравленною думой, которая превыше его силъ. Одинъ моментъ, можетъ быть двѣнадцатый ударъ башенныхъ часовъ, дѣлаетъ въ его душѣ то, отчего она открываетъ свои глаза. Гамлетъ начинаетъ видѣть «въ очахъ души своей» все, что видитъ публика въ первой картинѣ трагедіи. Ночь становится ужасной. Появляется Тѣнь отца. Но она еще безмолвна—для нея у Гамлета еще нѣтъ отвѣтовъ, но стража уже вопрошаетъ ее вопросами Гамлета. Эти призрачные стражники подобно бѣдному принцу не могутъ разобраться во тьмѣ крадущихся предчувствій... «Когда и Цезарю готовилась кончина, ужасныя видѣнья возмущали міръ: по городамъ бродили мертвецы!..» «Ужели бѣдствіемъ, кровавыми дѣлами отзовутся предвѣстія?..» Они говорятъ то, о чемъ думаетъ принцъ.

Первая картина—одинъ изъ дурныхъ сновъ, которые снятся осиротѣвшему королевичу, явь предчувствующей, проникновенной, геніальной души. Для зрителей первая картина—прологъ, введеніе въ пьесу. Гамлета преслѣдуетъ навязчивое предчувствіе, ему чуется злодѣйство, жертвою котораго палъ его отецъ. Діалогъ съ Тѣнью — разговоръ съ самимъ собою, со своей совѣстью, съ Богомъ, но это опять таки не для зрителей. Тѣнь высказываетъ мысли Гамлета, когда онѣ созрѣли для словъ, — но онѣ зрѣли въ немъ и только въ немъ. Должны онѣ созрѣть и въ сердцѣ публики въ продолженіи первой картины—кошмара... Гамлетъ вѣритъ въ явленіе Тѣни,—должны увѣровать въ него и зрители, а прежде всего исполнитель роли Гамлета и актеры, играющіе Горація, Марцелла и Бернарда, какъ замѣстители главнаго героя въ данной картинѣ. Но все это, повторяю, не для публики, — анализъ не долженъ вредить образности исполненія, его задача—повліять на скелетъ роли.

Вторая половина второй картины—залъ королевскаго дворца—происходитъ тоже только въ воображеніи Гамлета, въ томъ мірѣ, куда можно смотрѣть души глазами... Я говорю о явленіи Горація, Марцелла и Бернарда. Явленію предшествуетъ сцена Гамлета съ королемъ и королевой и монологъ... «Для чего ты не растаешь иль не распадешься прахомъ, о, для чего ты крѣпко,. тѣло человѣка!..» Этотъ монологъ даетъ реплику на выходъ Горація. Edwin Booth говорилъ его, ходя изъ стороны въ сторону въ смертельной тоскѣ, и опускался подъ конецъ въ совершенномъ безсиліи на стулъ... Гамлетъ получилъ приказъ остаться въ Даніи, въ этой тюрьмѣ, около терзающихъ его воспоминаній о смерти отца, среди предчувствій, рядомъ съ матерью, которая въ его глазахъ стала блудницей, когда онъ потерялъ вѣру въ человѣка и думаетъ о самоубійствѣ! Гамлетъ уже подготовленъ къ тому душевному состоянію, въ которомъ человѣкъ выростаетъ до прозрѣнія тѣхъ тайнъ, о которыхъ и не снится нашимъ мудрецамъ. И міръ Гамлета дѣлается міромъ его «я»—все изъ него и все въ немъ. «Поразительно слышать, съ какою неожиданностью,—говоритъ Д. Т. Аверкіевъ,—вырываются слова изъ устъ Гамлета: присутствуешь, такъ сказать, при рожденіи его мыслей»...

Шекспиръ тонко, умѣло, образно вводитъ насъ въ сверхчувственность своего героя. Кромѣ первой картины происходящей какъ-бы независимо, непричастно Гамлету, и во второй картинѣ явленіе Горація съ товарищами обставлено такими реалистическими, на первый взглядъ, подробностями, что для большинства, оно кажется вполнѣ естественнымъ и нормальнымъ. А между тѣмъ въ этой сценѣ—узелъ всего страннаго, необычнаго, того высочайшаго, что влечетъ каждаго къ Гамлету въ сферу его геніальнаго помѣшательства. Почему Горацій, вернувшійся изъ Виттенберга къ похоронамъ Гамлетова отца, цѣлыхъ два мѣсяца послѣ этихъ похоронъ не встрѣчается со своимъ другомъ-принцемъ, который, конечно, за это время всего больше нуждался въ обществѣ Горація? Если судить по встрѣчѣ Гамлета съ Горація во второй картинѣ,

то они встрѣчаются тогда въ первый разъ? Это обстоятельство не находитъ никакого объясненія, кромѣ того, что Гамлетъ до вѣстей о появленіи Тѣни настолько встревоженъ и раздраженъ и разумомъ и сердцемъ, что уже галлюцинируетъ. Призраки Горація, Марцелла и Бернарда—предтечи призрака-отца. Въ этой галлюцинаціи Гамлета правда мѣшается еще въ туманѣ, выплывающихъ откуда-то, неправдоподобностей. Горація, который, навѣрное, не отходилъ ни на шагъ отъ своего удрученнаго горемъ пріятеля, Гамлетъ почитаетъ только-что пріѣхавшимъ,—больной еще своимъ геніемъ умъ Гамлета воспроизводитъ теперь всѣ подробности встрѣчи, которая была два мѣсяца назадъ. «Я радъ тебя здоровымъ видѣть... Ты—Горацій?.. Иль ошибаюсь—плохо сознаю себя?..»—такъ вступаетъ принцъ въ діалогъ съ призраками. Гамлетъ не сразу признаетъ и Марцелла съ Бернардомъ, и они постепенно проясняются въ его сознаніи, эти вызванные имъ-же, образы... «Ты» и «вы» во взаимныхъ обращеніяхъ между участниками діалога все время мѣшаются и путаются, а самъ діалогъ Гамлета носитъ положительно характеръ разговора съ самимъ собой. Гамлетъ подсказываетъ призракамъ отвѣты своими вопросами. «Передъ собой отца я вижу, вижу!» — говоритъ онъ; «Мнѣ кажется,—говоритъ слѣдомъ Горацій,—я видѣлъ вашего отца»... «Былъ онъ блѣденъ?»—спрашиваетъ Гамлетъ; ему отвѣчаютъ: «о, смертельно блѣденъ»... «И пристально глядѣлъ на васъ», — спрашиваетъ принцъ; ему отвѣчаютъ: «Все время!» и т. д. Марцеллъ такъ быстро велъ весь діалогъ, что нельзя было понять, къ кому его Гамлетъ обращается съ вопросами, а Edwin Forrest и совсѣмъ не оттѣнялъ въ этой сценѣ никакихъ вопросовъ и умышленно не обращался ни къ кому. И еще есть странности. Почему Гамлетъ, обращаясь при встрѣчѣ къ Бернарду, говоритъ «добрый вечеръ», тогда какъ, очевидно, вторая картина происходитъ утромъ, слѣдуя непосредственно за первой, ночной, когда Марцеллъ сказалъ, что «знаетъ, гдѣ утромъ всего удобнѣе найти Гамлета»?.. Къ тому же пріемъ у короля, который предшествуетъ появленію Горація, могъ только быть утромъ, согласно обычаю? Почему въ первой картинѣ Горацій говоритъ о Тѣни, что она выглядѣла сурово, грозно, а во второй картинѣ свидѣтельствуетъ, что она была «скорѣй печальна»?.. Здѣсь противорѣчія, здѣсь странности, которыя только и можно объяснить, относя и первую картину, и явленіе Горація со спутниками во второй, въ міръ фантастики, въ таинственный міръ, доступный только немногимъ...

Гамлетъ, дѣйствительно, сошелъ съ того ума, которымъ кичится школьная мудрость. И въ первыхъ картинахъ трагедіи Гамлетъ еще не нашелъ вполнѣ свое могучее «я», онъ блуждаетъ среди призраковъ, онъ ищетъ себя, плутаетъ въ потемкахъ и даетъ поводъ многимъ критикамъ подозрѣвать, таинственно шептаться, качать головой, говорить двусмысленныя фразы о его умственныхъ способностяхъ. Не говорю о тѣхъ, которые подобно Полонію и Офеліи вѣрятъ въ его сумасшествіе,—имъ Гамлетъ велѣлъ передать, что сильная буря лишила его, слава Богу, того разсудка, который нуженъ для разговора съ такими ничтожествами, какъ всѣ его окружающіе. Такъ можно понимать одну изъ репликъ Гамлета въ третьемъ дѣйствіи.

Сцены міра реальнаго и сцены необычайной глубины должно различать и въ дальнѣйшемъ теченіи трагедіи. Къ послѣднимъ относятся: четвертая и пятая картины перваго акта; одинъ моментъ въ восьмой картинѣ третьяго акта, когда Гамлетъ кричитъ: «Призракъ! Правъ! Правъ!»; та часть девятой картины, когда Гертруда говоритъ, что сынъ ея забывается и видитъ привидѣнія; моментъ въ десятой картинѣ четвертаго дѣйствія, когда Клавдій говоритъ Гамлету: «я — твой отецъ»..; наконецъ финалъ трагедіи, когда герой ея умираетъ съ тайной смерти на устахъ.

Афиша японскаго народнаго театра.

Въ сценѣ съ матерью Гамлетъ уже выросъ и овладѣлъ всѣмъ богатствомъ своей души. Сына, удрученнаго «потерей» отца, уже нѣтъ—его смѣнилъ человѣкъ, нашедшій потерю, примирившійся со смертью вѣрой въ безсмертіе (не даромъ приходили призраки), разоблачившій тайну смерти (не даромъ слѣдуетъ картина на кладбищѣ, гдѣ принцъ иронизируетъ надъ тѣломъ и его тщетой). Для Гамлета осталась только одна темнота: людямъ дано мало сознанія—они не сознаютъ въ то время, когда превращаются въ ничто или въ что-либо... Но онъ уже занятъ разрѣшеніемъ и этой загадки, и въ финалѣ разрѣшаетъ ее своей блаженной и прекрасной смертью. Трагедія кончена, путь пройденъ, примиреніе состоялось, причемъ ни одного вздоха не уступлено безпощадной жизни. Найденъ смыслъ, недоумѣніе нашло источникъ и утолено. Чудо природы заронило геніальный умъ, геніальную душу въ Гамлета, чудо познакомило его со стремленіемъ къ полнотѣ жизни, оно же ввело его въ міръ призраковъ, оно же нашло источникъ и утолило жажду. Такъ начало нашло конецъ въ самомъ себѣ и замкнуло кругъ, въ которомъ остались мы, непосвященные... Гамлетъ, не противорѣча себѣ, могъ сказать, что «смерть— страна безвѣстная, откуда никто еще сюда не возвращался», хотя онъ и видѣлъ призракъ своего умершаго отца. Этотъ призракъ не былъ пришельцемъ съ того свѣта, этотъ призракъ одной природы съ призраками Горація, Марцелла и Бернарда!..

Неуловимый переходъ въ сверхчувственное, смѣна реальнаго и «непознаваемаго» — вотъ что такое Гамлетъ. Подхваченный волной, Гамлетъ то опускается на мгновенія внизъ, то блеститъ своимъ взоромъ по самому гребню вскипувшейся волны. И тогда онъ самъ—призракъ для насъ...

Б. Глаголинъ.

ХРОНИКА
ТЕАТРА И ИСКУССТВА.

Въ Петербургѣ образовалось товарищество драматическихъ артистовъ подъ названіемъ „Первое С.-Петерб. товарищество драматическихъ артистовъ". Симпатична цѣль, преслѣдуемая товариществомъ. Въ немъ артисты, оставшіеся безъ ангажемента, смогутъ всегда имѣть извѣстный заработокъ. Каждый очутившійся въ нуждѣ артистъ принимается въ члены товарищества безъ всякихъ членскихъ взносовъ, съ правомъ участвовать въ спектакляхъ товарищества и пользоваться прибылями, получаемыми отъ этихъ спектаклей. Режиссируетъ г. Власовъ. Первый спектакль состоится 12 марта въ залѣ Павловой.

* * *

† **П. А. Кошицъ.** Въ ночь на 2-е марта трагически покончилъ съ собой артистъ Императорскихъ театровъ Павелъ Алексѣевичъ Кошицъ (настоящая фамилія—Порай-Кошицъ). Въ то время, когда жена была внизу въ гостяхъ у хозяина, онъ пошелъ на кухню, отточилъ ножъ и на глазахъ у своей сестры и домашнихъ перерѣзалъ себѣ горло и нанесъ себѣ рану въ бокъ. На сестру, пытавшуюся отнять ножъ, онъ замахнулся ножемъ. Говорятъ, утромъ онъ покушался застрѣлиться, но у него отняли револьверъ. Блестящій пѣвецъ, пользовавшійся въ провинціи громаднымъ успѣхомъ, Кошицъ 10 лѣтъ тому назадъ дебютировалъ съ большимъ успѣхомъ на Императорской сценѣ, но сорвалъ голосъ на вагнеровскомъ репертуарѣ, въ частности въ партіи Зигфрида Съ жалованья въ 10,000 р. Кошицъ былъ переведенъ на окладъ въ 1,500 р.; наконецъ, въ прошломъ году онъ былъ совсѣмъ уволенъ со службы. Въ январѣ Кошицу дирекція назначила скромную пенсію въ 720 р. въ годъ. Привыкшій къ извѣстному комфорту, обремененный большою семьею, пѣвецъ сталъ испытывать нужду и, чтобы поправить свои обстоятельства, началъ играть на биржѣ и въ карты. Несчастливая игра все болѣе и болѣе разстраивала его положеніе. Товарищи устроили въ его пользу концертъ, но вырученныя деньги пошли туда же—онъ проигралъ ихъ на биржѣ. Покойному было около 40 лѣтъ.

† П. А. Кошицъ.

Сообщаемъ біографическія свѣдѣнія о покойномъ. П. А. изъ потомственныхъ дворянъ Кіевской губерніи, музыкальное образованіе получилъ сперва въ московской консерваторіи, затѣмъ въ Италіи, въ г. Миланѣ въ продолженіи 3-хъ лѣтъ. Началъ сценическую карьеру въ Италіи въ г. Верчелли, потомъ пѣлъ въ Греціи, въ Кофалоніи и въ Италіи въ Казальмо-Маджіорѣ. Затѣмъ подписалъ контрактъ въ Америку на 7 мѣсяцевъ (республика Гватемала), въ качествѣ 1-го драматическаго тенора, гдѣ пѣлъ въ различныхъ операхъ. По возвращеніи изъ Америки пѣлъ сезонъ въ Тифлисѣ, затѣмъ въ Баку, въ Кіевѣ (2 сезона). Въ Императорской московской оперѣ состоялъ около 10 лѣтъ.

* * *

† **Г. И. Вестеръ.** 28 февраля скончался отъ крупознаго воспаленія легкихъ Георгій Ивановичъ Вестеръ. Сценическую карьеру покойный началъ въ 1886 г. у В. Л. Форкатти. Игралъ во многихъ провинціальныхъ городахъ,—Тифлисѣ, Баку, Казани, Костромѣ, Владивостокѣ и др. Сезонъ 1890—91 г. самъ держалъ антрепризу въ Тулѣ.

Съ 1896 г. по 1898 г. занималъ должность секретаря театральнаго отдѣла газеты „Новости", выступая вмѣстѣ съ тѣмъ на разныхъ клубныхъ сценахъ. Въ концѣ 1898 г. былъ приглашенъ А. В. Амфитеатровымъ завѣдовать хозяйственной частью Русскаго Драматическаго театра. Сезонъ 1899—1900 г. служилъ въ театрѣ „Фарсъ". Послѣднее время Г. И. состоялъ администраторомъ г. Казанскаго. Г. И. умеръ 39 лѣтъ отъ роду. Его болѣзнь явилась послѣдствіемъ случившейся у него кражи шубы 13 февраля; онъ бросился безъ верхняго платья въ поиски за пропажею, простудился, захворалъ воспаленіемъ легкихъ.

† Г. И. Вестеръ.

* * *

Слухи и вѣсти.

— Въ кіевскихъ газетахъ отъ 28 февраля находимъ слѣдующія свѣдѣнія о болѣзни М. В. Дальскаго. Осложненій пока нѣтъ. Температура колеблется между 38° и 39°. Самочувствіе значительно хуже, чѣмъ въ первые дни. Сознаніе полное.

— Въ труппу Народного дома принята дебютировавшая на прошлой недѣлѣ г-жа Александрова, ученица М. М. Читау.

— П. П Гнѣдичъ выѣхалъ 3 марта за границу.

— Управляющій французской труппой Михайловскаго театра Л. А. Гельмерсенъ на-дняхъ командируется дирекціей Императорскихъ театровъ въ Парижъ.

— 7 марта въ Михайловскомъ театрѣ состоится второй экзаменаціонный спектакль учениковъ Императорскаго театральнаго училища. Всѣхъ спектаклей будетъ четыре.

— Вновь принятые въ труппу Александринскаго театра гг. Петровскій и Орловъ-Семашко выступятъ впервые въ сентябрѣ.

— Дебютовъ въ предстоящемъ весеннемъ сезонѣ въ Александринскомъ театрѣ не будетъ.

— Въ „Невское общество народныхъ развлеченій" режиссеромъ на предстоящій сезонъ приглашенъ С. А. Свѣтловъ.

— Въ первомъ засѣданіи новаго правленія Василеостровскаго общества народныхъ развлеченій былъ избранъ новый составъ бюро правленія. Избранными оказались: предсѣдателемъ — Неболсинъ, товарищемъ его К. И. Диксонъ, казначеемъ П. Р. Кельбергъ, секретаремъ П. И. Преображенскій.

— „Севастополь", ист. хроника П. Оленина пойдетъ на пасхѣ въ Москвѣ въ манежѣ. Пьеса пріобрѣтена попеч. нар. трезвости. Авторомъ добавлены къ пьесѣ двѣ картины, въ которой выведены ген. Хрулевъ и Хрущовъ и нѣкоторые другіе герои обороны.

Достойно замѣчанія, что появилось уже нѣсколько новыхъ „Севастополей"—драматурговъ, увлекшихся успѣхомъ пьесы въ Петербургѣ.

* * *

Московскія вѣсти.

— С. В. Рахманиновъ закончилъ новую оперу „Скупой рыцарь". Текстъ Пушкина оставленъ цѣликомъ безъ измѣненія.

— Артистка Большого театра г-жа Соколовская выходитъ изъ состава казенной оперы.

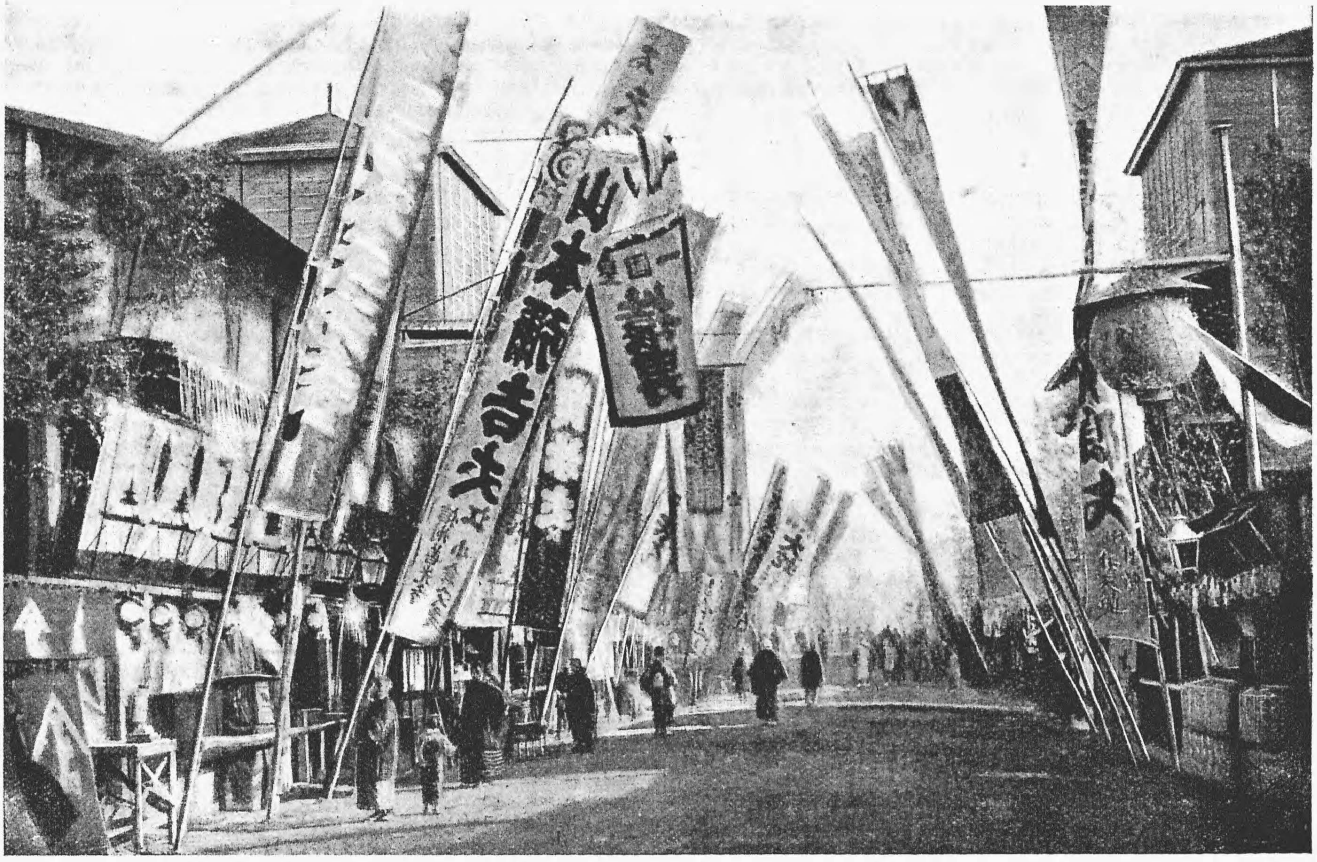
— Въ Москвѣ „Снѣгъ" Пшибышевскаго вызвалъ шиканье. Правда, исполненіе было, по отзывамъ газетъ, ниже средняго. Критикъ „Моск. Вѣд." бранитъ г-жу Ратѣеву и „непріятнаго" актера г. Каширина. Судя по вкусамъ г. Exter'a „пріятный" актеръ долженъ, очевидно, обладать голосомъ протодіакона.

— На дняхъ въ бюро происходила трогательная сцена: явился сынъ извѣстнаго антрепренера и редактора „Самарской Газеты", покойнаго И. П. Новикова—Г. И. Новиковъ, отбывающій на Дальній Востокъ въ качествѣ нижняго чина одной изъ артиллерійскихъ батарей. А. Е. Молчановъ отъ лица сценическихъ дѣятелей благословилъ Новикова образомъ, а артисты пожелали ему счастливаго пути.

— Изъ состава труппы Художественнаго театра, кромѣ г-жи Андреевой, вышли гг. Дмитріевъ и Загаровъ.

— Въ пользу семейства Кошица устраивается г. Горевымъ спектакль. Т. О. намѣрено ходатайствовать, чтобы пенсія покойнаго была сохранена за его женой и дѣтьми.

— Составъ труппы театра Солодовникова на будущій годъ выяснился. Подписаны контракты: съ г-жами Цвѣтковой, Томской, Коратаевой, Веселовской и Андреевой, тенорами: гг. Се-



Театральная улица въ Іокагамѣ.

каръ-Рожанскимъ и Клементьевымъ, баритонами: гг. Шевелевымъ и Максаковымъ, басами: гг. Трубинымъ, Гагаенко и Бедлевичемъ. Режиссерами остаются Н. Н. Арбатовъ и г. Кравецкій, капельмейстерами Н. Р. Кочетовъ и г. Барбини.

— Недоразумѣніе между гг. Коршемъ и Синельниковымъ улажено и послѣдній въ труппѣ остается еще на одинъ сезонъ.

— О. А. Правдинъ сложилъ съ себя обязанности предсѣдателя московскаго общества призрѣнія престарѣлыхъ артистовъ, а А. А. Бахрушинъ отказался отъ званія попечителя убѣжища этого общества.

— Ежегодный актерскій праздникъ 9 марта (открытіе 1-го съѣзда сценическихъ дѣятелей) предположено отпраздновать торжественнымъ молебствіемъ въ Бюро, а вечеромъ товарищескимъ ужиномъ по подпискѣ.

* * *

Малый театръ. 27 февраля дебютировали въ „Безприданницѣ“ г-жа Богуславская (Лариса), г. Угрюмовъ (Паратовъ) и г. Шмидгофъ (Карандышевъ). Дебюты слѣдуетъ признать неудачными, за исключеніемъ г. Шмидгофа—актера мягкихъ и болѣе или менѣе законченныхъ формъ.

Нельзя конечно думать, чтобы г-жа Богуславская—неопытная дебютантка — смогла сыграть Ларису. Она могла лишь обнаружить свои сценическія данныя и тѣ намеки, по которымъ возможно предугадывать ея артистическую индивидуальность. У артистки глухой голосъ, угловатыя движенія и мало выразительное лицо. Ея исполненіе сѣрое и скучное; въ монологахъ, когда она остается одна, она совсѣмъ теряется: дѣлаетъ безконечныя паузы и глотаетъ слова. Въ итогѣ она производитъ впечатлѣніе блѣдное. Но въ ея игрѣ—робкой и подавленной—ничто не оскорбляетъ вкуса. Въ ней нѣтъ театральности: она недоигрываетъ, а не переигрываетъ роль. Изъ нея никогда не будетъ замѣтной актрисы (она малоталантлива и по душевному складу не оригинальна), но она идетъ по вѣрному пути. Порою мелькаютъ свѣжія интонаціи и что-то цыганское въ общемъ обликѣ Ларисы дебютантка уловила и передала. Это особенно цѣнно, потому что сдѣлано не внѣшними средствами и не грубыми штрихами.

Противуположное впечатлѣніе производитъ г. Угрюмовъ—типичный актеръ условнаго тона. Г. Угрюмовъ развязенъ и манеренъ въ высшей мѣрѣ. Всю роль онъ процѣдилъ сквозь зубы и съ такою безтактностью, которая сначала могла веселить—въ концѣ концовъ раздражать болѣе или менѣе требовательнаго зрителя. Роль Паратова очень трудна и требуетъ вообще большой переработки для изображенія. Его грубыя слова слѣдуетъ осмыслить широтою темперамента и складкой грусти, для которой есть данныя въ пьесѣ. Не выдвигать ихъ нужно, а затушевывать, иначе всегда Паратовъ будетъ производить впечатлѣніе унтеръ-офицера недалекаго ума. Это особенно чувствуется, когда за роль Паратова берутся такіе актеры, какъ г. Угрюмовъ.

Г. Шмидгофъ—почти законченный актеръ съ симпатичнымъ дарованіемъ, въ которомъ есть ясность и теплота. Онъ даетъ цѣльный образъ—свой и сознательный. Въ его Карандышевѣ мало боли подавленныхъ чувствъ и слишкомъ много непосредственности. Это исполненіе нельзя считать удачнымъ, но оно даетъ полную возможность признать въ г. Шмидгофѣ актера хорошаго вкуса и почти готовыхъ техническихъ формъ.

Остальные исполнители были тѣ же, которые играли здѣсь съ г-жею Коммисаржевской. Только г. Михайлова (Робинзонъ) замѣнилъ г. Мячинъ и игралъ хорошо. Очень хорошо—красиво, типично и съ большою мягкостью—игралъ г. Судьбининъ Вожеватова. *П. Ярцевъ.*

* * *

Экзаменаціонный спектакль. Въ понедѣльникъ въ Михайловскомъ театрѣ состоялся первый спектакль учениковъ Театральнаго училища по классу А. А. Санина, впервые выступающаго какъ преподаватель. Всѣхъ спектаклей предполагается четыре, и въ каждомъ изъ нихъ появятся тѣ же самые ученики и ученицы, которые появились и въ первомъ. Послѣ четырехъ спектаклей, конечно, можно будетъ болѣе или менѣе опредѣленно высказаться о силахъ учениковъ. Пока же приходится поневолѣ говорить съ большей осторожностью и съ оговорками.

Первый спектакль составился: изъ 2 и 3 актовъ „Одинокихъ“, трехъ сценъ „Мѣсяца въ деревнѣ“ и одного акта „Царской невѣсты“. Въ „Одинокихъ“ экзаменовались г-жа Есиповичъ (Кэтъ), Раевская (Анна) и г. Осиповъ (Іоганнъ) Г. Осипова я помню еще по прошлому году: онъ подыгрывалъ ученикамъ прошлогодняго выпуска. Какъ будто тогда г. Осиповъ игралъ сочнѣе, ярче и несомнѣнно—нервнѣе. Быть можетъ теперь у него больше опыта, а слѣдовательно, и увѣренности, но зато меньше красокъ, меньше непосредственности. Это—готовый актеръ для московскаго Художественнаго театра, но, кажется, не больше. Чѣмъ-то прилизаннымъ, припомаженнымъ вѣетъ отъ его исполненія. „Выучки“, повидимому, достаточно, но увлеченія и темперамента какъ будто въ обрѣзъ. Можетъ быть это отъ того, что г. Осипова переучили?

Пріятное впечатлѣніе оставила г-жа Раевская. У ней и голосъ еще не поставленъ какъ слѣдуетъ и дыханіемъ она владѣетъ не такъ, чтобы ужъ очень свободно, но въ ней есть что-то такое, что съ перваго же ея слова располагаетъ къ ней, заставляетъ внимательно ее слушать. Держится она на сценѣ еще совсѣмъ неувѣренно,—у нея короткій, вихляющійся жестъ, движеніе не законченное, поступь боязливая, словно она не по полу ходитъ, а по воздушному канату,—и тѣмъ не менѣе, смотришь ее, если и не всегда съ удовольствіемъ, то во всякомъ случаѣ, и безъ той досады, которую обыкновенно возбуждаютъ неопытные актеры и актрисы. Нѣтъ-нѣтъ, да и вырвется у нея смѣлая, оригинальная интонація и прозвучитъ искренняя, идущая изъ глубины души, нота,—и за это простишь г-жѣ Раевской всѣ прочіе недостатки.

Все это я говорю по поводу исполненія г-жей Раевской роли Анны въ „Одинокихъ“. Затѣмъ она еще играла Наталью Петровну въ тургеневскомъ „Мѣсяцѣ въ деревнѣ“, но конечно, сыграть Наталью Петровну для ученицы—задача непосильная и этого нельзя требовать.

У г-жи Есиповичъ больше увѣренности, больше смѣлости, чѣмъ у г-жи Раевской, но зато меньше непосредственности и чутья.

Впрочемъ, данныя у г-жи Есиповичъ хорошія: прекрасный, сильный голосъ, благородная фигура, ясная дикція.

Вѣрочку въ „Мѣсяцѣ въ деревнѣ“ играла г-жа Ускова. Она ходила по сценѣ той развалистой походочкой, какая бываетъ у еще не сформировавшихся подростковъ, и продѣлывала тѣ угловатые жесты, которые очеровательны и по своему граціозны только тогда, когда они не заучены. Досадно, что голосъ у г-жи Усковой ни по тембру, ни по силѣ не подходитъ ни для Вѣрочки, ни для ролей подростковъ вообще.

Экзаменовались еще г. Григорьевъ (Браунъ въ „Одинокихъ“) и г-жа Рачковская (Любаша въ „Царской невѣстѣ“). Оба произвели неопредѣленное впечатлѣніе. Г. Григорьевъ въ роли Брауна чувствовалъ себя растерянным, а г. Санинъ, видимо, не растолковалъ ему какъ слѣдуетъ роли.—Г-жа Рачковская—недурная горничная въ „Мѣсяцѣ въ деревнѣ“. Что касается Любаши, то внѣшняя, пластическая сторона заслуживаетъ одобренія, но огня, внутренней страсти было мало. О постановкѣ преподаванія и дальнѣйшую характеристику нынѣшняго выпуска сдѣлаемъ впослѣдствіи. *В. Л.*

* * *

Четвертый вечеръ современной музыки состоялся на этотъ разъ 28-го февраля въ залѣ Спб. музыкальной школы. Это обстоятельство, что молодое общество постоянно мѣняетъ

А. А. Агаревъ.

(Къ уходу изъ театра Лит.-Худ. Общества).

помѣщеніе, въ которомъ устраиваются его вечера, какъ будто свидѣтельствуетъ о нѣкоторой дезорганизаціи въ его правленіи, но, какъ бы то ни было, присутствующая на вечерахъ публика этого не замѣчаетъ, и вечера по прежнему сохраняютъ симпатичный характеръ интимнаго собранія людей искренно любящихъ свое искусство и чутко слѣдящихъ за всѣми новыми вѣяніями въ современной музыкѣ.

Эти вѣянія, давая намъ обыкновенно много дѣйствительно новаго и интереснаго, порою приносятъ намъ изъ „гнилого запада“ много затхлаго, несвѣжаго... Къ послѣдней категоріи я отношу исполнявшіяся на послѣднемъ вечерѣ современной музыки фортепіанныя вещи V. d'Indy, озаглавленныя имъ „Tableaux de voyages“. Кромѣ двухъ-трехъ болѣе удачныхъ нумеровъ („Paturage“, „Lae Vert“) это произведеніе въ общемъ поражаетъ своимъ убожествомъ, бѣдностой и напускной наивностью содержанія. По формѣ—это рядъ небольшихъ вещицъ, въ родѣ шумановскихъ „Kinderscenen“ (въ формѣ пѣсни и рондо), но послѣднія по содержанію неизмѣримо богаче и поэтичнѣе, даромъ что у d'Indy убожество содержанія замаскировано оригинальничаніемъ, неожиданными и немотивированными модуляціями.

Гораздо интереснѣе оказался его фортепіанный квартетъ (a-moll, op. 7), въ которомъ много темперамента и звуковой красочности; самостоятельнаго творчества здѣсь впрочемъ мало, т. к. то и дѣло попадаются реминисценціи изъ классиковъ (Шуберта и Мендельсона).

Зато, какой искренностью вдохновенія и свѣжестью таланта повѣяло на насъ отъ исполнявшагося въ первомъ отдѣленіи струннаго квартета молодого русскаго композитора, В. Сенилова!

Всѣ главныя темы поражаютъ своей музыкальностью и изяществомъ; проведены онѣ, безъ особыхъ мудрствованій, необыкновенно прозрачно и понятно. Наибольшей законченности достигаетъ форма въ третьей части, Scherzo, которое съ этой точки зрѣнія является маленькимъ шедевромъ. Правда, въ квартетѣ есть и довольно крупные пробѣлы (такъ, вторая часть, Adagio, звучитъ отнюдь не квартетно и задумана повидимому для одной скрипки), но авторъ, который, кстати, нѣсколько разъ былъ шумно вызываемъ, еще повидимому такъ молодъ, что успѣетъ еще выработать въ своемъ творчествѣ многое, чего ему пока не хватаетъ.

Объ исполнителяхъ, піанистахъ, г-жѣ Полоцкой, г. Медемъ, и о струнномъ квартетѣ г. Завѣтновскаго, много говорить не приходится. Чувствуется, что это опытные и безкорыстно любящіе свое искусство артисты, которые выступили на эстраду не для того, чтобъ себя показать, а изъ любви къ своему дѣлу, въ частности къ исполняемому произведенію, передъ которымъ ихъ артистическая личность умѣетъ стушевываться. Это отрадное явленіе. *А. Ф. Кальмъ.*

* * *

М. А. Риглеръ устроила 27 февраля, концертъ, весь сборъ съ котораго пожертвовала на усиленіе военнаго флота. Къ сожалѣнію концертъ несовсѣмъ удался въ матеріальномъ отношеніи: залъ былъ далеко не полонъ. Художественнымъ успѣхомъ устроительница можетъ быть вполнѣ довольна. Большая часть программы была отведена музыкѣ. Интересно чаруя тончайшей нюансировкой сыграли нѣсколько салонныхъ вещицъ въ родѣ bersense—Годара, братья Вольфъ—Израэль, скрипачъ и віолончелистъ. Г-жа Дювернуа музыкально и задушевно спѣла нѣсколько романсовъ. Какъ опытный артистъ, хорошее впечатлѣніе оставилъ г. Майборода. Г-жа Акцери недурно исполнила арію изъ „Забавы Путятишны“;—жаль, что у этой пѣвицы нельзя разобрать ни единаго слова. Подтянулся на этотъ разъ даже г. Викторовъ; только кое-гдѣ мелькала обычная его сухость и топорность вокализаціи.

Литературная часть концерта была представлена г-жами Холмской, Мировой и г. Юрьевымъ.

Устроительница концерта съ шумнымъ успѣхомъ провела балетные номера программы. Особенно эффектно протанцовала г-жа Риглеръ мазурку. „Прекрасна, какъ мечта“ замѣтила моя сосѣдка по креслу, смотря на балерину-диллетантку. Я мысленно подписался подъ этимъ приговоромъ. *М. Н—овъ*

* * *

Заграничныя мелочи.

— Сенсаціонная новость вѣнскихъ театральныхъ кружковъ—снятіе съ репертуара вѣнскаго Burg'а послѣдней пьесы Гауптмана „Роза Берндъ“.

Гауптманъ былъ, можно сказать, придворнымъ драматургомъ вѣнскаго казеннаго драматическаго театра. Постановкамъ своихъ пьесъ въ Бургѣ Гауптманъ самъ придавалъ такое значеніе, что пріѣзжалъ для этого каждый разъ въ Вѣну.

Пьеса снята съ репертуара вслѣдствіе того, что одной высокопоставленной особѣ не понравилась эта „тяжелая драма“

Самъ Гауптманъ на запросъ одной вѣнской газеты отвѣтилъ слѣдующей телеграммой: „Неожиданная судьба, подкосившая жизнь „Розы Берндъ“ въ Вѣнѣ произвела на меня сильное впечатлѣніе. Я не безъ тревоги спрашиваю себя: какія же цѣли должно преслѣдовать художественный вѣнскій театръ.

Бургъ-театръ, впрочемъ, прекратилъ доступъ на свою сцену и Шницлеру, послѣ того какъ его „Зеленый попугай“ и „Покрывало Беатриче“ не пришлись по вкусу публикѣ ложъ и партера.

— Даннэ, написавшій пьесу для націоналистовъ „Возвра-

щеніе изъ Іерусалима", сочинилъ въ сотрудничествѣ съ Денномъ пьесу франко-русскую подъ названіемъ „Залетныя пташки" („Oiseaux de passage). Это двѣ русскія эмигрантки, Вѣра Леванова и ея подруга Татьяна, живущія въ пансіонѣ въ Швейцаріи, на берегу Женевскаго озера. Въ томъ же пансіонѣ живетъ богатая французская буржуазная семья. Старшій сынъ этой семьи, студентъ-медикъ Жюльенъ, очень заинтересованъ этими двумя русскими барышнями; его въ особенности интересуетъ Вѣра; она обвѣнчалась фиктивнымъ бракомъ съ однимъ „нигилистомъ", заключеннымъ въ крѣпость, гдѣ онъ и умеръ. Дѣйствіе 2-е въ семьѣ Жюльена. Вѣра соглашается стать его женой. Но она узнаетъ, что мужъ ея не умеръ, что онъ живетъ въ Сибири, въ рудникахъ и она слѣдуетъ за нимъ. Ни безграничное отчаяніе Жюльена, ни горе его слѣпой матери, ни ея глубокая любовь къ жениху не останавливаютъ Вѣры; она уходитъ изъ семьи Жюльена, отдавая свое обручальное кольцо двоюродной сестрѣ Жюльена—Луизѣ, которая горячо любитъ своего кузена.

Послѣ націоналистической „Rétour de Iérusalem"—каковъ скачокъ! Вотъ ужъ именно: чего хочешь, того и просишь...

— 26 января (13 февраля) въ первый разъ на сценѣ берлинскаго „ Нѣмецкаго" театра шла новая пьеса Шнитцлера „Der einsame Weg" (Одинокій путь). По словамъ „ Bühne und Welt", Шнитцлеру удалось создать „тончайшую психологическую филигранную работу и, безъ малѣйшаго подражанія, въ духѣ Ибсена, нарисовать сложную драму, полную настроенія". „Одинокимъ путемъ" идутъ всѣ дѣйствующія лица, съ которыми Шнитцлеръ знакомитъ насъ въ своей пьесѣ, и, прежде всего, оба героя ея, большіе эгоисты, считающіе себя знатоками жизни и не стѣсняющіеся играть судьбой и счастьемъ своихъ ближнихъ. Дѣйствіе драмы разыгрывается осенью, и грустный осенній колоритъ передается всему окружающему.

— Въ первый разъ „Королева Фіаммета", дана была въ 1889 году труппою Свободнаго театра Антуана.

Постановка была очень неудачна. Нѣкоторое время спустя, „Королева Фіаммета" была возобновлена. На сюжетъ этой фантастическо-исторической драмы написана опера Ксавье Леру.

Музыка прекрасно выражаетъ драматическій замыселъ ея автора, И. Мендеса. Дѣйствіе этого романтическаго и романическаго сказанія, Италія XVI вѣка, въ воображаемомъ царствѣ Болоньи.

КЪ СЕЗОНУ ВЪ ПРОВИНЦІИ.

Баку. Въ отчетѣ о „Демонѣ" рецензентъ „Бак. изв". произноситъ „новое слово". Мы рѣшительно противъ всякихъ *крыльевъ* у Демона и Ангела. Это немножечко отдаетъ балаганомъ. Да и къ чему крылья, особенно у Демона? Сокращеніе бутафорскихъ принадлежностей во всякомъ случаѣ.

Вильна. Труппа П. М. Медвѣдева сдѣлала прекрасныя дѣла. Всѣ три спектакля прошли съ аншлагомъ.

— Съ 5-й недѣли начнутся спектакли труппы г. Сабурова. Кромѣ фарсовъ будутъ ставиться комедіи, въ которыхъ въ Кіевѣ большой успѣхъ имѣла г-жа Грановская.

Елисаветградъ. Съ 7 марта начнутся гастроли (всего 3) М. Г. Савиной. Отсюда М. Г. Савина ѣдетъ въ Крымъ (пятая и шестая недѣля). На дальнѣйшее время труппа, сопровождающая М. Г., предполагаетъ организовать поѣздку на товарищескихъ началахъ.

Енакіево, Екатерин. губ. Намъ пишутъ: Второе пребываніе Шильдкрета у насъ въ ноябрѣ съ М. М. Петипа не обошлось безъ инцидента какъ и въ первый разъ. 25 и 26 ноября 1900 г. были даны два неудачныхъ спектакля съ гастролеромъ М. М. Петипа; Шильдкрету надо было изыскать средства на выѣздъ. Для этой цѣли мѣстному купцу Мосякову онъ заложилъ двѣ большія корзины за 200 руб., причемъ Мосяковъ долженъ былъ выслать эти корзины въ Баку и Батумъ наложеннымъ платежомъ, что и было своевременно исполнено. Ни въ Баку, ни въ Батумѣ вещи, однако, не были выкуплены и Мосяковъ потребовалъ ихъ обратно, и по прошествіи 2½ мѣсяцевъ г. Мосяковъ, любопытствуя о содержимомъ въ корзинахъ, пригласилъ двухъ свидѣтелей и вскрылъ багажъ.

Вмѣсто богатыхъ костюмовъ, какъ говорилъ Шильдкретъ, тамъ оказались мѣшки съ болѣе дешевымъ товаромъ—солью и въ качествѣ сувенира, афиши о его пребываніи у насъ. По заявленію Мосякова полиціей составленъ протоколъ.

Старый пріемъ, но очевидно, до Енакіева „сіяніе" его еще не дошло...

Иркутскъ. Городской театръ, по ходатайству дирекціи, городская дума постановила считать свободнымъ отъ постоя войскъ.

Калуга. Вмѣсто пяти объявленныхъ товариществомъ спектаклей съ участіемъ г. Діевскаго за полнымъ отсутствіемъ сборовъ состоялось только два. Главная виновница плохихъ сборовъ г-жа Вяльцева, взявшая передъ открытіемъ спектаклей товарищества сборъ болѣе 1000 руб.

— На третьей недѣлѣ состоялось три гастрольныхъ спектакля товарищества артистовъ Императорскихъ московскихъ театровъ, съ А. А. Яблочкиной во главѣ.

Кишиневъ. Въ труппу г. Петросьяна на будущій сезонъ подписала г-жа Белла-Горская.

Кіевъ. Театръ „Соловцовъ" за сезонъ съ 1-го сентября по 8-е февраля сдѣлалъ валового сбора 125,074 руб.

— 16 февраля кіевской судебной палатой была объявлена резолюція по дѣлу наслѣдниковъ (по закону) покойнаго Н. И. Федорова-Соловцова, предъявившихъ крупный искъ къ наслѣдницѣ по завѣщанію супругѣ покойнаго М. М. Глѣбовой-Федоровой. Палата утвердила рѣшеніе окружного суда, отказавшаго въ искѣ. Наслѣдники Федоровы подаютъ кассаціонную жалобу въ сенатъ.

— Италіанская оперная труппа г. Кастеллано, игравшая въ театрѣ „Соловцовъ", прекратила спектакли за отсутствіемъ сборовъ. Послѣдніе два спектакля были отмѣнены.

— Первые два представленія „Вишневаго сада" дали театру общества грамотности полные сборы.

— Труппа г. Сабурова за 12 спектаклей взяла около 13 тысячъ руб. валового сбора.

Минскъ. „Новостямъ" пишутъ: Послѣднее засѣданіе думы ознаменовалось крупнымъ скандаломъ между 2 гласными думы: прис. пов. Стефановичемъ и д-ромъ Здановичемъ. Поводомъ послужилъ пресловутый вопросъ о выработкѣ инструкцій для театральной дирекціи. Вопіющіе порядки театральной дирекціи вызвали репрессію со стороны гласныхъ. Городскіе театры представляли собою эксплуатаціонныя помѣщенія, доступныя всѣмъ и всякому; въ нихъ на ряду съ артистами Императорскихъ театровъ подвизались Дуровъ со своими свиньями и зтуали и „звѣзды" кафешантановъ. Но болѣе всего возмущались гласные замкнутой дѣятельностью заправилъ городскихъ театровъ, которые не давали себѣ труда сообщать думѣ какіе-либо отчеты о сумахъ доходовъ и расходовъ театровъ, а также о сдачѣ послѣднихъ, и т. п. Поэтому, какъ правильно выразился гласный г. Хованскій, театральная дирекція представляла собою „государство въ государствѣ". Составленіе инструкцій для театральной дирекціи было поручено спеціальной коммиссіи гласныхъ вмѣстѣ съ членами театральной дирекціи. Вслѣдствіе нападокъ со стороны театральнаго директора Здановича, членъ коммиссіи, г. Стефановичъ, вышелъ изъ ея состава, отказавшись отъ дальнѣйшей работы. По настоянію прис. пов. Стефановича, былъ включенъ въ инструкціи параграфъ, по которому доходы театровъ должны отнынѣ вноситься въ городскую кассу, которая и будетъ выдавать нѣкоторыя суммы для расходовъ. Видя такое ограниченіе финансовыхъ оборотовъ дирекціи, членъ ея, д-ръ Здановичъ, произнесъ рѣчь о заслугахъ и плодотворной дѣятельности дирекціи, заключавшейся въ переустройствѣ ватерклозетовъ и водосточныхъ трубъ, а также и въ томъ, что капельдинеровъ одѣли

† П. А. Шеинъ.
(См. № 9).

въ ливреи. Въ общемъ, гласный д-ръ Здановичъ сильно похвалилъ д-ра Здановича, какъ члена театральной дирекціи, и въ заключеніе разразился бранными словами по адресу гл. Стефановича. Гл. Здановичъ отказался отъ дальнѣйшаго участія въ трудахъ дирекціи, что было встрѣчено гласными *молчаніемъ*;

тѣмъ не менѣе, онъ попрежнему руководитъ дѣлами городского театра, гдѣ порядки остались прежніе...

— Г. Струйскимъ предположены гастроли М. М. Петипа и г-жи Яблочкиной. Ведутся переговоры съ петербургской частной оперой.

Н.-Новгородъ. Закончились гастроли товарищества московской частной оперы. За 12 спектаклей взято болѣе 9000 руб. Артисты получили полтинникомъ на рублевую марку.

Новороссійскъ. Здѣсь только въ концѣ 1903 г. открылся народный домъ, а значеніе его и успѣхъ уже успѣли сказаться. Спектакли всегда проходятъ при переполненномъ зрительномъ залѣ. Публика самая разнообразная. Не смотря (вѣрнѣе благодаря) на дешевизну мѣстъ съ 26 декабря по 16 февраля спектакли дали 500 руб. чистаго дохода. Играютъ любители. Рѣшено въ качествѣ режиссера пригласить завѣдующаго въ настоящее время народнымъ домомъ въ Полтавѣ г. Пархомовича-Викторова. Постройка народнаго дома обошлась въ 17500 руб.

Одесса. На послѣднемъ спектаклѣ М. Г. Савиной былъ поднесенъ серебряный чернильный приборъ съ надписью: „Единственной и несравненной Маріи Гавриловнѣ Савиной отъ кружка одесскихъ журналистовъ 26-го февраля 1904 г.“, брилліантовая брошь отъ А. И. Долинова съ бриллiантовыми знаками „200—X“ (двухсотый спектакль въ десятой гастрольной поѣздкѣ), двѣ государственныя ренты (отъ публики) на стипендію имени М. Г. Савиной и пр.

— М. Г. Савиной за 12 спектаклей взято около 13,000 р.

— Русская опера въ гор. театрѣ за 12 спектаклей взяла 13,600 рубл. Тѣмъ не менѣе антреприза понесла убытки.

— Оперетка въ театрѣ г. Сибирякова за 12 спектаклей взяла 12,000 руб.

Томскъ. Оперетка г. Валентетти закончила сезонъ съ барышемъ въ 10,000—12,000 руб.

— Вторую и третью недѣлю поста въ театрѣ Королева играла драматическая труппа М. И. Каширина.

Харьковъ. Въ „Призракахъ“ выступали гг. Самойловъ и Орленевъ. „Южн. Кр.“ отдаетъ предпочтеніе г. Самойлову. „Г. Самойловъ съумѣлъ смягчить всѣ слишкомъ реальныя подробности той драмы, которую переживаетъ. На спектаклѣ г-на Орленева, я видѣлъ не столько художественное произведеніе, сколько горячую и талантливую проповѣдь противъ разврата и распущенности, иллюстрируемую демонстраціями чисто-медицинскаго свойства“.

СДАЧА ТЕАТРОВЪ И АНГАЖЕМЕНТЫ.

Вильна. П. П. Струйскій не будетъ въ будущемъ сезонѣ держать антрепризу въ Вильнѣ и ищетъ желающихъ снять городской театръ.

Николаевъ. На сезонъ 1904—5 г. театръ снятъ г. Никулинымъ.

Рига. Въ труппу г. Незлобина, кромѣ г-жи Андреевой, приглашены г-жа Роксанова, Харламовъ (Моск. Худож. театра), Строгановъ, Михайловскій.

Саратовъ. Лѣто. Опера. Новый театръ. Антреприза г. Донского. Въ составъ труппы вошли: г-жа Маклецкая, Цыбущенко, Эйгенъ.

Симбирскъ. Зимній сезонъ. Антреприза К. Э. Олигина: Н. Н. Орловская, Н. С. Самойлова, М. М. Писарева-Марусина, М. М. Бѣлозерская, Селиванова, Е. А. Левицкая, Попова, Александрова, Ренина-Самарина, И. И. Бѣлоконь, К. Э. Олигинъ, Пеняевъ (комикъ), Ростовцевъ, М. Тархановъ, Миролюбовъ, Баяновъ, Молчановъ, Боде, Волковъ. Режиссеръ И. И. Бѣлоконь, пом. реж. Морозовъ, суфлеръ—Самаринъ, кассирша—М. С. Каминеръ, декораторъ—Бассовскій, Администраторъ—Вольштейнъ.

Тифлисъ. Лѣто. Драма Анрепризa г. Красова. Новый театръ.

Херсонъ. Не смотря на то, что г. Коралли-Торцовъ прислалъ 2000 руб. залога, вопросъ о сдачѣ ему городского театра на будущій сезонъ остается пока еще открытымъ. Поступило заявленіе изъ Кіева отъ нѣкоего Петрова, обѣщающаго режиссерство А. С. Кошевѣрова. Останется ли управа вѣрна своему слову—покажетъ ближайшее будущее.

ПИСЬМА ВЪ РЕДАКЦІЮ.

М. г.! Обращаюсь съ покорнѣйшей просьбой напечатать это письмо въ уважаемомъ Вашемъ журналѣ. Я надѣюсь, что товарищи знакомые и не знакомые отзовутся на горе матери. Въ 1901 г., въ ноябрѣ, съ оперной труппой (мнѣ не извѣстна фамилія антрепренера) въ качествѣ музыканта-скрипача, выѣхалъ мой сынъ изъ Москвы на Дальній Востокъ. Дирижеромъ былъ А. Вивьенъ. Они отправились въ Портъ-Артуръ. Впродолженіе 2 лѣтъ я аккуратно получала письма отъ сына то изъ Портъ-Артура, то изъ Харбина, Хабаровска и въ прошломъ 1903 г. отъ 16 мая получила письмо изъ Владивостока, гдѣ сынъ мой ожидалъ получить мѣсто военнаго капельмейстера. Жилъ онъ въ то время въ гостинницѣ „Тихій Океанъ“ и былъ въ очень тяжеломъ положеніи. Вернуться ему было не чѣмъ, и сидѣлъ безъ мѣста. И вотъ, съ 16 мая 1903 г. я не получила ни отъ него, ни отъ тѣхъ, къ кому я обращалась съ просьбой, никакой вѣсти о томъ, что сталось съ моимъ сыномъ? Посредствомъ этого письма я умоляю знающихъ музыканта Женю Михайлова, сообщить черезъ посредство Вашего журнала, что сталось съ нимъ? Гдѣ мнѣ его искать? Къ кому обратиться? Теперь много вернулось артистовъ и музыкантовъ съ Дальняго Востока. Ради Бога отзовитесь, кто знаетъ что-нибудь о немъ, за что буду вѣчно благодарна.

Прим. и проч. артистка *И. Г. Михайлова-Муравьева.*

М. г.! Позвольте мнѣ, черезъ посредство „Театръ и Искусство“, принести мою глубокую признательность и благодарность Совѣту Театральнаго Общества, за присланныя мнѣ въ Варшаву деньги на уплату профессору за производство операціи.—Сезонъ въ Гельсингфорскомъ театрѣ былъ ужасенъ, жалованья я не получилъ за два мѣсяца, болѣзнь тяжелая, операція—необходима... Тутъ-то и подоспѣла помощь, во-время. Она меня положительно спасла. Два слова о жалобѣ г-жи Богдановой: яко-бы изъ-за меня Двинскій театръ, арендуемый ею, остался безъ труппы. Контрактъ полученъ былъ 23 января при письмѣ, въ которомъ она писала: что если 3-го февраля не получитъ залога (100 р.), театръ будетъ переданъ г-жею Богдановой другой труппѣ. Прежде, чѣмъ гласно обвинять, надо справиться: живъ-ли, здоровъ-ли предполагаемый контрагентъ? Я знаю, что распространились слухи даже о моей смерти. Слухи эти „преувеличены“. Съ 5 недѣли поста, надѣюсь, въ силахъ буду уже работать.

Прим. и проч. *Алексѣй Вадимовъ.*

М. г.! Не откажите помѣстить въ Вашемъ уважаемомъ журналѣ нижеслѣдующее:

Въ № 8 „Театръ и Искусство“ напечатано письмо артиста А. Н. Помпа-Лирскаго, причемъ въ его труппѣ указанъ М. Ратмировъ. До сихъ поръ на сценѣ были: Пав. Пав. Дриго-Ратмировъ, Илья Кондр. Ратмировъ и я Митр. Петр. Ратмировъ. Возможно, что теперь есть еще М Ратмировъ. Я же служилъ у С. И. Томскаго въ Тулѣ.

Прим. и проч. *Митрофанъ Ратмировъ.*

М. г.! Въ № 8 Вашего уважаемаго журнала въ хроникѣ есть сообщеніе, что въ Тамбовѣ закрытъ зимній театръ временно *за ветхостью.* Это не совсѣмъ вѣрно: театръ закрытъ не за ветхостью, но вслѣдствіе недостаточнаго количества выходовъ. Къ работамъ уже приступлено, и театръ будетъ готовъ къ 5 или 6 недѣлѣ Великаго поста. Театръ существуетъ всего восемь лѣтъ, слѣдовательно, ветхимъ быть не можетъ.

Прим. и пр. Владѣлецъ театра *И. А. Будищевъ.*

М. Г. Г. Редакторы! Въ № 7-мъ вашего уважаемаго журнала помѣщено письмо г-на Вейса.

Желая исправить нѣкоторыя неточности, указанныя въ немъ, мы покорнѣйше просимъ Васъ, напечатать наше письмо въ одномъ изъ ближайшихъ №№.

О томъ, какъ велось нами дѣло, какой былъ бюджетъ и сколько нами понесено убытка—удостовѣрено мѣстной администраціей, которой были представлены книги и всѣ документы.

Никакихъ 2,000 руб. жалованья мы себѣ не назначали, да и не могли назначить, разъ сборы не окупали бюджета и безъ всякаго нашего жалованья.

О томъ, кто былъ причиной чуть не случившагося краха антрепризы ясно доказываютъ подписи всей труппы, которыми общимъ судомъ артисты удалили изъ труппы гг. Вейса, Вергину-Мотылеву, Энгеля и Яковлеву.

Что-же касается скрипача г. Вейса, то взявъ у насъ авансъ, подалъ на насъ въ судъ, взыскивая съ насъ полученные уже деньги, но, благодаря свидѣтельскимъ показаніямъ и документальнымъ даннымъ, судъ Вейсу въ искѣ отказалъ.

За свое отношеніе къ дѣлу—Вейсъ дѣйствительно былъ нами оштрафованъ, но штрафъ этотъ остался штрафомъ на бумагѣ, такъ какъ взысканъ онъ не былъ.

Сезонъ закончился сравнительно благополучно. Артисты, хоръ и оркестръ всѣ удовлетворены до конца сезона, что доказывается ихъ росписками въ полученіи полнаго разсчета до конца сезона и неимѣніи никакихъ къ намъ претензій.

Г. Тонни—никогда во главѣ дѣла не стоялъ, какъ сказано въ замѣткѣ изъ „Иркутска“ въ № 6-мъ, да и не могъ стоять, такъ какъ для этого нужны были деньги. А деньги даны были подрядчикомъ ж. д. г. Пеленкинымъ, которымъ уполномоченъ былъ вести дѣло въ дальнѣйшемъ—г. Полѣтиха, на имя котораго и заключались договоры.

Съ почтеніемъ *І. Д. Рутковскій.*
П. Г. Свѣтлановъ.

СЪ АКТЕРСКАГО РЫНКА.

28 февраля.

Замѣчается какая-то нервность настроенія. Конецъ третьей недѣли поста самое оживленное время актерскихъ сдѣлокъ. Посъѣхались очень многіе антрепренеры. По уголкамъ всѣхъ комнатъ шушуканье. Къ антрепренерамъ, то и дѣло, подводятъ актеровъ и актрисъ для рекомендаціи. Наиболѣе нервные начинаютъ отчаяваться въ будущемъ: актрисы вспоминаютъ о порошкахъ морфія, которые запрятаны у нихъ гдѣ-то на днѣ чемодановъ, молодые актеры прибѣгаютъ за рекомендаціями къ болѣе старымъ и имѣющимъ обширныя знакомства собратьямъ съ обѣщаніемъ въ случаѣ успѣха поблагодарить „чисто по-русски“. Число повѣшенныхъ носовъ и хмурыхъ лицъ увеличивается, хотя впрочемъ увеличивается и число поднятыхъ носовъ и лицъ самодовольныхъ, но обладатели послѣднихъ, естественно, рѣже и рѣже посѣщаютъ актерскій рынокъ. Зато первые проявляютъ усиленную дѣятельность; такъ и кажется, что если не найдешь себѣ ангажемента именно на 3 недѣлѣ, то все погибло, кромѣ чести. Впрочемъ, вы можете замѣтить и актеровъ флегматиковъ, которые съ философскимъ равнодушіемъ ожидаютъ, когда горе подойдетъ къ нимъ. Ихъ мѣсто за столомъ въ читальнѣ съ газетою въ рукахъ; проходитъ нѣсколько часовъ, пока нашъ философъ перечитаетъ чуть не всѣ газеты, лѣниво поднимется и окунется въ море актерской толпы, чтобы перебросится словечкомъ-другимъ съ знакомымъ.

ТИПЫ НАШИХЪ ХУДОЖНИЦЪ.

Реалистка.

Цѣны на актерскій трудъ, повидимому, имѣютъ наклонность къ пониженію; по крайней мѣрѣ, таковъ характеръ большинства заключаемыхъ до сихъ поръ сдѣлокъ. Это не мѣшаетъ, однако, царящему на актерскомъ рынкѣ своеобразному веселью и оживленію, какъ я уже описывалъ въ одномъ изъ предыдущихъ писемъ.

— Пойдемте, пойдемте, батенька, я познакомлю васъ съ новоиспеченнымъ антрепренеромъ; въ сорочкѣ родился. До сихъ поръ за что ни брался, все удавалось; капиталы стотысячные. Теперь хочетъ за театральную антрепризу приняться—вы какъ разъ для него подходящимъ человѣкомъ будете.

— Позвольте, почему я? есть и поопытнѣе меня, да и подешевле, пожалуй. Если онъ въ сорочкѣ родился и ему все удается, не все ли равно, кого онъ возьметъ?

— Въ томъ-то и дѣло! Ему нуженъ честный и добросовѣстный человѣкъ, а поопытнѣе-то пожалуй и эту сорочку сниметъ, не только что послѣднюю.

Новоиспеченные антрепренеры,—а такихъ нѣсколько человѣкъ,—чувствуютъ себя, повидимому, не совсѣмъ въ своей тарелкѣ среди шума и гама актерскаго рынка. Кое-кто изъ нихъ, очевидно, впервые попалъ въ эту сутолоку. Возлѣ нихъ вьются, обыкновенно, „болѣе опытные“, такъ или иначе съумѣвшіе внушить къ себѣ довѣріе, и „маклерятъ“ дѣла: подбираютъ подходящихъ актеровъ, торгуются съ ними, хлопочатъ по съему театра и т п. Удивительно, какъ сильна страсть къ театру, какъ фальшивый блескъ театральной сцены манитъ къ себѣ людей. Вѣдь, вотъ человѣкъ, родившійся въ сорочкѣ, наживающій капиталы на своемъ природномъ, такъ сказать, дѣлѣ, гдѣ ему „все удается“, непремѣнно стремится въ антрепризу, гдѣ рискуетъ каждую минуту наткнуться на „опытнаго“, который, пользуясь „неопытностью“, произведетъ надъ нимъ опытъ перераспредѣленія нажитыхъ коммерческимъ трудомъ капиталовъ.

А впрочемъ, давай Богъ больше такихъ капитальныхъ антрепренеровъ.

29 февраля.

Вчера состоялся первый пробный спектакль. Дебютировали 5 дамъ и 8 кавалеровъ. Нѣкоторые изъ нихъ уже нѣсколько лѣтъ на сценѣ, другіе—новички, третьи любители, не мало поигравшіе на любительскихъ спектакляхъ и теперь стремящіеся въ настоящій театръ. Есть и совсѣмъ молодежь, есть и солидные люди, въ чинахъ и орденахъ. Что блескъ и почетъ этихъ мишурныхъ украшеній, когда тамъ иная, захватывающая жизнь, такъ не похожая на буднично-буржуазную до тошноты надоѣвшую обыденность! Когда туда, въ эту свѣтлую будущность, манятъ слава таланта, восторги публики и, можетъ быть (плохъ солдатъ, не мечтающій быть генераломъ), всемірная или по крайней мѣрѣ всероссійская извѣстность!

И такъ дебютантовъ было 13 человѣкъ. Роковое число! Играли всѣ довольно плохо; одни немного похуже, другіе много похуже, третьи совсѣмъ худо. Но здѣсь дѣло совсѣмъ не въ этомъ; при такихъ же условіяхъ извѣстные и талантливые актеры играли можетъ быть также скверно. Волненіе, робость передъ дебютомъ, сознаніе, что играешь передъ особой публикой, почти исключительно актерской, въ душѣ которой заранѣе чувствуешь недоброжелательное, ироническое къ себѣ отношеніе (дебютанты почему-то думаютъ, что актеры къ нимъ настроены враждебно; а впрочемъ, можетъ быть они и правы), доводятъ дебютанта до такой степени нервнаго напряженія, что вполнѣ понимаешь искренность восклицанія: „лучше пошлите меня въ Портъ-Артуръ, подъ японскія гранаты, только позвольте не выходить на сцену“—восклицаніе, вырвавшееся у дебютанта съ приближеніемъ появленія. Эта „приговоренность къ разстрѣлу“ чувствуется во всемъ, въ робкой, торопливой рѣчи, въ неувѣренныхъ движеніяхъ, въ неловкихъ позахъ, въ напускной смѣлости и развязности, въ отчаянныхъ попыткахъ проявить свое творчество въ излюбленныхъ мѣстахъ, въ угнетенномъ состояніи души, когда читаетъ артистъ какъ заученый свой монологъ, а самъ занятъ одной мыслью какъ бы поскорѣе уйти за кулисы или по крайней мѣрѣ провалиться куда нибудь съ этого мѣста, и т. п.

Декадентка.

Итакъ, повторяю, дѣло не въ томъ, какъ играли дебютанты. Наша задача поискать, не найдется ли среди всѣхъ недостатковъ у кого-либо внутренняго огонька, искорки таланта, въ тысячѣ неуловимыхъ мелочей. Какой-нибудь неуловимый штрихъ, почти пропадающій въ общемъ фонѣ, уже можетъ дать указанія на пригодность даннаго лица къ сценѣ или опредѣлить размѣръ его силъ и способностей. Въ этомъ отношеніи намъ хотѣлось бы отмѣтить прежде всего г. Рязанцева. Онъ былъ никуда не годнымъ Дудукинымъ и довольно плохимъ городничимъ; но за всѣмъ тѣмъ было ясно, что всѣ его недостатки были результатомъ именно дебюта; было замѣтно, что Дудукинъ задуманъ хорошо. Въ немъ есть способность къ разработкѣ характера и типа. Незнамовъ, г. Микулинъ, мчался на экспрессѣ очевидно съ страстнымъ желаніемъ моментально перескочить пространство отъ своего выхода на сцену до ухода. Все же слѣдуетъ отмѣтить г. Микулина, какъ способнаго артиста. Говорятъ, что изъ заявленныхъ на роль Незна-

мова дебютантовъ, чуть ли не 6 человѣкъ, онъ все-таки оказался болѣе другихъ подходящимъ. То же, что о г. Микулинѣ, нужно сказать и о г. Бартеневѣ—Хлестаковѣ; правда, у послѣдняго было замѣтно больше напускной смѣлости, но вообще, онъ не выше обычнаго актерскаго уровня. Съ дамскимъ персоналомъ дѣло обошлось не лучше. Въ г-жѣ Сазоновой, кажется, есть чувство и темпераментъ, но отъ волненія ли или простуды у нея съ первой сцены такъ сѣлъ голосъ, что дебютъ надо считать несостоявшимся. Какъ будто подаетъ надежды г-жа Арманская, но это еще совершенная зелень. О г-жѣ Кушенской ничего нельзя сказать: такъ она быстро и визгливо тараторила что нельзя было разобрать ни одного слова изъ того, что она говорила. Недурная вторая старуха г-жа Добрынина-Боярская. Шмагуигралъ „не дебютантъ", но едва ли это было не хуже.

Въ общемъ, никому изъ дебютантовъ выдвинуть себя не удалось.

А. Е. Молчановъ, который сегодня прибылъ въ Москву. высказывалъ мысль, что слѣдовало бы противъ фамиліи каждаго дебютанта указывать, въ какой драматической школѣ онъ обучался драматическому искусству. Мысль достойная и вѣрная. Предлагаемая мѣра давала бы возможность судить, что школа дала ученику и насколько дебютантъ проникся преподанными ему уроками; хорошимъ оселкомъ она была бы и для самыхъ школъ, такъ какъ пробные спектакли являлись бы дѣйствительнымъ экзаменомъ не только для учениковъ, но и для самыхъ школъ.

Слѣдующій дебютный драматическій спектакль предполагается на пятой недѣлѣ поста; оперные дебюты начинаются сегодня; говорятъ, что на нихъ записалось до 200 дебютантовъ и всѣхъ спектаклей предположено, кажется, 6 или 8.

Хотя пробные спектакли въ нынѣшнемъ посту, благодаря трудамъ почтеннаго Н. Н. Синельникова, значительно упорядочены, но все-таки по самому характеру своему они довольно таки мало приносятъ пользы и дебютантамъ и предпринимателямъ; а вѣдь въ этомъ и заключается ихъ главная цѣль—знакомить предпринимателей съ молодыми силами. Бѣда въ томъ, что здѣсь все случайность; случайны дебютанты, которыми вовсе не интересуются предприниматели; случайны антрепренеры, зашедшіе на спектакль. Да и при томъ чувствѣ приговоренности къ разстрѣлу, о которомъ упоминалось выше, развѣ весь дебютъ не можетъ оказаться одной сплошной случайностью? Намъ кажется, что пробнымъ спектаклямъ могла бы быть поставлена болѣе опредѣленная цѣль. Во-первыхъ, дебютные спектакли могли бы съ успѣхомъ замѣнить пресловутые „три дебюта", о внесеніи которыхъ въ контрактъ такъ ратуютъ нѣкоторые антрепренеры. „Вы желаете у меня служить, я васъ не знаю, не угодно ли продебютировать на пробномъ спектаклѣ". Эта мысль вполнѣ осуществима; большинство актеровъ не согласятся на подобные дебюты исключительно изъ нежеланія играть предъ своей братіей актерами. Поэтому такіе пробные спектакли должны быть обязательно закрытыми. Не думаемъ, чтобы кто-либо изъ артистовъ на подобное предложеніе антрепренера далъ отказъ, разъ онъ зналъ бы, что выступаетъ передъ антрепренерами, съ которыми ведетъ переговоры и компетентнымъ жюри, которое Совѣтъ Театральнаго Общества долженъ составить для подобныхъ дебютовъ изъ 15—20 лицъ понимающихъ дѣло и безпристрастныхъ.

Во-вторыхъ: можно было бы установить правило, что всѣ новички, прибѣгающіе къ посредничеству Бюро, должны показать свои силы на пробныхъ спектакляхъ. Опять-таки Совѣту пришлось бы учредить настоящую судейскую коммисію и компетентныхъ лицъ. При такомъ порядкѣ Бюро могло бы о каждомъ дать предпринимателю довольно опредѣленныя свѣдѣнія, согласно заключеніямъ судейской коммисіи. Это создало бы хотя какой-нибудь фильтръ, какое-либо подобіе ценза.

Пробные спектакли и въ этомъ случаѣ должны или быть закрытыми или устраиваться, хоть въ бюро на Никитской (благо тамъ есть сцена), а не въ театрѣ, какъ теперь. Тогда можно было бы оградить дебюты отъ наплыва зрителей изъ праздношатающейся актерской толпы. На Никитскую пошли бы въ большинствѣ люди дѣйствительно заинтересованные. Самое чувствительное зло пробныхъ спектаклей—это наплывъ актерской публики въ зрительный залъ. „Ну-ка, ну-ка, покажи, покажи, каковъ ты"—а потомъ идутъ шуточки, злорадныя насмѣшки и т. п. „Скучно, больше не пойду смотрѣть. Довольно съ меня и одного акта—играетъ прескверно". Это вы слышите на каждомъ шагу. Для актеровъ дебютный спектакль—развлеченіе отъ скуки или случай посмѣяться.

Служить же эти спектакли должны не развлеченіемъ, а *серьезнымъ дѣломъ*, и ихъ нужно сдѣлать *дѣломъ*.

2 марта.

Съ пріѣздомъ въ Москву А. Е. Молчанова всколыхнулись и оживились всѣ, чающіе... полученія ссудъ изъ Театральнаго общества. Почтеннаго вице-президента ждали какъ благодѣтельную фею, раздающую дары своихъ кармановъ. Но, увы, чающіе ошиблись въ разсчетахъ. Сумма испрашиваемыхъ ссудъ чуть не въ десять разъ превышаетъ наличныя средства Общества, которыя можно въ настоящее время обратить на удовлетвореніе просителей. Вообще, что касается ссудныхъ операцій Театральнаго Общества—то повторяется обыкновенная исторія: просящихъ и жаждущихъ много, платящихъ—мало. Суммы, числящіяся за должниками, изъ года въ годъ растутъ непомѣрно и предѣла не предвидится.

На-дняхъ мнѣ пришлось посѣтить годовое собраніе московскаго общества содѣйствія устройству общеобразовательныхъ народныхъ развлеченій. Начавъ безъ средствъ, подобно петербургскому Невскому Обществу, московское об-во уже пятый годъ съ успѣхомъ развиваетъ свою дѣятельность. Въ рѣзкое отличіе отъ петербургскихъ подобныхъ обществъ, дѣятельность которыхъ носитъ коммерческую окраску, въ московскомъ преобладаетъ идейная сторона. Оно сказывается и въ репертуарѣ народныхъ спектаклей, и въ веденіи гуляній и особенно въ развитіи лекціонной дѣятельности. Об-ву удалось привлечь къ работѣ въ лекціонной коммисіи профессоровъ сельскохозяйственнаго института и др. учебныхъ учрежденій, учителей и много интеллигентныхъ работниковъ; въ коммисіи работаетъ до 80 человѣкъ. Вообще, не мешало бы петербургскимъ Невскому и Василеостровскому обществамъ народныхъ развлеченій поучиться и позаимствовать многое у московскаго.

Особенное впечатлѣніе испытываешь, вращаясь ежедневно среди актерской братіи и попадая вдругъ въ кружокъ интеллигентныххъ лицъ, проникнутыхъ горячимъ стремленіемъ работать на пользу народную. Казалось бы, и тутъ, и тамъ театръ. Но какая разница!

Впрочемъ, есть и на солнцѣ пятна. Повидимому, и московское общество не свободно отъ золъ, разъѣдающихъ большинство русскихъ учрежденій. То же сводятся личные счеты и произносятся глумливыя рѣчи, въ которыхъ исчезаетъ серьезное отношеніе къ дѣлу.

3 марта.

Вчера начались засѣданія коммисіи по пересмотру нормальнаго договора. Составъ коммисіи оказался чрезвычайно разнообразнымъ; тутъ и антрепренеры драматическіе, оперные, опереточные, таковые же актеры и режиссеры, и капельмейстеры, и хормейстеры, и суфлеры, и помощники режиссеровъ, и хористы оперные и опереточные, и музыканты—однимъ словомъ всего набралось членовъ до 120 Повидимому подобный составъ долженъ гарантировать серьезную и детальную работу.

Конечно, наиболѣе оживленныя премія разгорѣлись по вопросу объ обязательности амплуа. Были голоса за полное исключеніе амплуа изъ договора. Нельзя не сознаться, что обозначеніе амплуа имѣетъ смыслъ лишь какъ мѣра гарантирующая актеру его положеніе. Въ художественномъ отношеніи, какъ каждымъ ясно сознается, раздѣленіе артистовъ по амплуа приноситъ только вредъ. Амплуа прежде всего разрушаетъ ансамбль. Совершенно справедливо замѣтилъ Е. П. Карповъ, что режиссеръ при раздачѣ ролей долженъ руководствоваться не амплуа артистовъ, а распредѣлять роли, согласуя основныя свойства творчества автора со способностями и средствами актера. Еще болѣе вредное вліяніе оказываетъ списокъ игранныхъ ролей, прилагаемый артистомъ къ договору, согласно примѣчанію къ пункту II договора. Н. И. Собольщиковъ-Самаринъ привелъ примѣръ, когда оказалось, что роль Бориса Годунова стоитъ въ репертуарѣ чуть ли не 10 артистовъ одной труппы. Конечно, Бориса игралъ одинъ, а остальныхъ, 9 человѣкъ пришлось не занимать въ этомъ спектаклѣ. Это не только бьетъ по карману антрепренера, но и отзывается страшно неблагопріятно на ансамблѣ и успѣхѣ пьесы. Въ самомъ дѣлѣ, какую труппу надо имѣть, что бы безъ помѣхи для дѣла освободить 9 человѣкъ первыхъ персонажей въ одинъ спектакль. Помимо всего этого здѣсь возможны, и часто бываютъ на самомъ дѣлѣ, злоупотребленія, именно многіе артисты вносятъ въ этотъ списокъ неигранныя ими роли, но на которыя они имѣютъ претензію. По словамъ одного изъ членовъ коммисіи, такъ поступаютъ 9/10 артистовъ. Всѣ претендуютъ на хорошую роль: и любовники, и неврастенники, и резонеры, простаки и даже комики. Оттого и получается, что сплошь и рядомъ въ репертуарномъ спискѣ чуть не каждаго артиста обозначены лучшія роли пьесъ. Такимъ образомъ одна часть ораторовъ, указывая на приведенныя соображенія, находила необходимымъ или совершенно изгнать амплуа изъ договора или не дѣлать его обязательнымъ. Другая часть шла на компромиссы и признавая, что въ этомъ вопросѣ дѣйствительно масса неудобствъ, полагала, что съ ними необходимо мириться; иные находили нужнымъ репертуарный списокъ ролей сдѣлать необязательнымъ для антрепренера, наконецъ многіе стояли за амплуа и репертуаръ ролей, какъ единственное средство противъ антрепренерской эксплуатаціи.

Пренія разгорались и грозили затянуться; слышались уже и страстныя нотки, когда предсѣдателемъ коммисіи, А. Е. Молчановымъ, былъ объявленъ перерывъ засѣданія.

Послѣ перерыва дѣло пошло глаже и вопросъ былъ быстро разрѣшенъ. Коммисія согласилась съ предложеніемъ предсѣдателя передать его на разсмотрѣніе секцій. Дѣло въ томъ, что коммисія намѣтила себѣ такой планъ работъ: разсматривать въ общихъ засѣданіяхъ только тѣ пункты договора, кото-

рые могутъ относиться ко всѣмъ родамъ театральной дѣятельности: драмѣ, оперѣ, хору и т. д. Всѣ же пункты, имѣющіе значеніе лишь для одного рода дѣятельности и въ драмѣ и оперѣ разрѣшаемые различно, разсматривать въ отдѣльныхъ секціяхъ, на которыя и распадется коммисія. Въ результатѣ получится такимъ образомъ не одинъ нормальный договоръ, а нѣсколько—одинъ для драмы, другой для оперы, третій для оперетки, четвертый для музыкантовъ и т. д. Пунктъ II договора на этомъ основаніи и былъ признанъ однимъ изъ тѣхъ, разсмотрѣніе которыхъ должно происходить въ отдѣльныхъ секціяхъ. Такимъ образомъ пренія по этому пункту предстоятъ въ будушемъ въ засѣданіяхъ драматической секціи.

Обсужденіе слѣдующихъ пунктовъ шло довольно быстро. Отмѣтимъ, пожалуй, что въ III пунктѣ оставлена только половина, опредѣляющая, къ какому сроку артистъ долженъ быть на мѣстѣ службы; вторая же половина, карающая за опозданіе признаніемъ договора недѣйствительнымъ, найдена слишкомъ строгой и будетъ замѣнена болѣе мягкой статьей, устанавливающей для опозданія льготные дни съ уплатой штрафа. Наконецъ подошли къ VII пункту.

О VII пунктѣ! Отнынѣ ты пріобрѣлъ историческое значеніе. Въ памятный день, 2 марта 1904 года въ 4 часа пополудни русскіе актеры уничтожили бенефисы. VII пунктъ трактуетъ о бенефисахъ; раздались первые робкіе голоса о вредномъ вліяніи бенефисовъ, и желаніе, если нельзя ихъ уничтожить, брать дѣйствительный вечеровой расходъ. Предсѣдатель указываетъ, что дѣйствительно существуетъ довольно распространенный взглядъ, что бенефисы вредны въ художественномъ и моральномъ отношеніяхъ, что настоящей коммисіи надлежало бы обсудить этотъ вопросъ. Радостные голоса съ разныхъ сторонъ кричатъ—бенефисы уничтожить. Баллотировка. Коммисія громаднымъ большинствомъ, почти единогласно, постановляетъ: VII пунктъ изъ договора совсѣмъ исключить. Радостное настроеніе. Апплодисменты. Давно наболѣвшій вопросъ разрѣшенъ „однимъ взмахомъ пера“, какъ выразился кто-то изъ членовъ коммисіи Но...

Не успѣли еще руки остыть отъ апплодисментовъ, почувствовалось какое то „раздумье.“ Какъ же это такъ? Все были съ бенефисами, а тутъ вдругъ безъ бенефисовъ. Какъ будто что то не „тае“. Кое-кто заговорилъ о номинальныхъ бенефисахъ, кое-кто о бенефисахъ за долголѣтнюю службу, наконецъ кто-то указалъ, что какъ будто неловко, что собравшіеся 100 человѣкъ рѣшили за всѣхъ актеровъ уничтожить то, что плотно въѣлось въ нашу театральную жизнь. Однако неловко же перерѣшать вопросъ, рѣшенный только что съ такимъ неописуемымъ энтузіазмомъ, съ такимъ подъемомъ духа. Какъ быть?

И вотъ какого то счастливца осѣнила мысль. Онъ вспомнилъ, что въ концѣ договора оставлено бѣлое мѣсто и надъ нимъ заглавіе: „дополнительные пункты“. Пусть уничтоженъ VII-й пунктъ; все же нельзя запретить антрепренеру или артисту по взаимному соглашенію внести въ дополнительные пункты и статью о бенефисахъ. Такъ и порѣшили на благоразумной серединѣ.

Во всякомъ случаѣ отрадно и то, что въ сознаніи русскаго актера мысль о вредѣ бенефисовъ свила прочное гнѣздо. Начало положено...

Въ первомъ засѣданіи коммисія рзасмотрѣла всѣ X пунктовъ договора и сегодня приступаетъ къ пересмотру правилъ приложенныхъ къ договору. *С. Свѣтловъ.*

„СЕЦЕССІОНЪ“ ВЪ ПАССАЖѢ.

Нѣтъ! Это удивительно! „Петербургскіе художники“ растутъ, какъ грибы послѣ дождя. Представьте, три этажа гостепріимнаго Пассажа набиты „Петербургскими художниками“. Давно-ли они всѣ помѣщались въ длинномъ корридорѣ, идущемъ надъ магазинами, но стоило только имъ раздвоиться, и „обширное помѣщеніе Пассажа, какъ пишутъ рецензенты, вмѣщаетъ болѣе 400 картинъ“. Вотъ послѣдствія „сецессіона“! Впрочемъ здѣсь вѣдь всегда было очень много корифеевъ, у корифеевъ очень много картинъ, „сецессіонъ“ уже давно назрѣвалъ и наконецъ созрѣлъ, благодаря „инциденту съ г. Сухаровскимъ“. Но вотъ задача для публики. Гдѣ же собственно настоящіе-то „Петербургскіе художники“, самый ихъ центръ? Казалось бы, что несомнѣнно у „сецессіонистовъ“. Вѣдь сюда выдѣлились художники такой свѣжести и новизны, какъ гг. Каразинъ, Пелевинъ, Шрейберъ, Сергѣевъ, Писемскій, Васильковскій, Штемберъ, Галкинъ, Липгартъ и пр. Къ нимъ прибавились такой патентованный фотографическій талантъ, какъ г. Крачковскій и... вѣрить-ли своимъ глазамъ? знаменитѣйшій нѣмецкій художникъ Францъ-фонъ-Ленбахъ, можетъ быть и не самый первоклассный въ данномъ случаѣ, но все таки Ленбахъ и... сецессіонисты „С.-Петербургскаго Общества Художниковъ!“ Портретъ Ленбаха рядомъ съ портретами гг. Галкина и Штембера! Ни дать, ни взять, генералъ на купеческой или чиновничьей свадьбѣ средней руки въ провинціи. Насладившись столь комичнымъ невѣроятнымъ сопоставленіемъ, спускаемся въ нижній этажъ, гдѣ помѣщается осиротѣвшая выставка „С.-Петербургскаго Общества художниковъ“, думая, что намъ уже и смотрѣть нечего и вдругъ... нѣчто непостижимое. Ну можно-ли было представить себѣ выставки „С.-Петербургскаго Общества Художниковъ“ безъ аляповатѣйшаго Сергѣева, фальшивые пейзажи котораго такъ напоминаютъ салатъ и винигретъ, безъ выкрашенныхъ „жестяныхъ“ пейзажей Шрейбера, безъ грубѣйшихъ зализанныхъ фотографическихъ портретовъ Галкина, безъ ремесленныхъ „вещичекъ“ Васильковскаго, безъ удивительно выписанныхъ бутафорскихъ „Грозныхъ“ Пелевина, безъ сладчайшаго Писемскаго, безъ „маститаго“ Каразина, безъ розоваго рахатъ лукумнаго Штембера, безъ и т. д. и т. д.? Оказывается, ничего себѣ, выставка, какъ выставка, ничуть не хуже прежнихъ, о корифеяхъ сецессіонистахъ и не вспоминаешь. Положимъ, здѣсь вѣдь остались тоже такія силы, какъ К. Маковскій съ Бакаловичемъ, какъ архи-лубочный и „зализанный“ г. Кондратенко, какъ фабрикантъ „головокъ“ г. Бобровъ, какъ конкурирующій съ фотографіей портретистъ г. Егорновъ, какъ единственный, если не въ мірѣ, то въ Россіи поставщикъ лубочныхъ баталій г. Мазуровскій, какъ soi disant знаменитости Бунинъ съ Сухоровскимъ, какъ и т. д. А главное, здѣсь очевидно неисчерпаемый запасъ экспонентовъ, картины которыхъ можетъ-быть заполнили бы и вдвое большее количество щитовъ. Говоря по правдѣ, здѣсь даже куда интереснѣй, чѣмъ на верху. О новомъ шедеврѣ К. Маковскаго „Смерть Петронія“, чуть-ли не „гвоздь“ всѣхъ выставокъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ рецензентовъ, нечего и говорить: „здѣсь столько-же историчности, сколько-же серьезнаго рисунка, столько-же правдивой живописи, какъ и во всѣхъ прежнихъ шедеврахъ“. Это вполнѣ кондитерское издѣліе, до котораго такъ лакомъ почтенный буржуа. Такія-же кондитерскія издѣлія и остальныя многочисленныя произведенія г. К. Маковскаго, — мальчики, дѣвочки, головки, „нѣмки, испанки и итальянки“ съ розово-сахарной живописью и беззаботностью насчетъ рисунка. Но и помимо этихъ издѣлій какъ много по обыкновенію очаровательныхъ головокъ вродѣ „Довольной“ г-на Кумминса, „nu“ вродѣ „Модели“ съ опухшими ногами г-на Сухаровскаго, невинныхъ жанровъ съ идіотскими физіономіями дѣйствуюшихъ лицъ, историческихъ картинъ, такъ напоминающихъ постановки масляничныхъ балагановъ! А какъ по обыкновенію великолѣпно гг. „Петербургскіе художники“ улавливаютъ всевозможные моменты, всевозможныя злобы дня! Вотъ „Императоръ Александръ I въ кельѣ старца Серафима Саровскаго“ г-на Маймона, гдѣ благочестивый художникъ, не смотря на лубочность изображенія старца, такъ удачно выразилъ свое религіозное настроеніе, вотъ „Гоголь среди великихъ друзей“ г. Геллера, кажется уже нѣсколько лѣтъ изображающаго великихъ русскихъ писателей уродами съ косыми глазами, кривыми носами, слишкомъ длинными или короткими ногами и руками, вотъ „Слово передъ общей исповѣдью“ бар. Д'Альгеймъ, тоже не пощадившаго даже знаменитаго Кронштадтскаго пастыря, вотъ ужъ самыя злободневныя „Проводы на Дальній Востокъ“ и „Молитва команды на эскадренномъ броненосцѣ“, обѣ въ самомъ лубочномъ стилѣ. Однимъ словомъ, и красота, и разнообразіе, и „законченность“, и яркость красокъ, и невинный юморъ, и серьезное содержаніе—все, что хотите. Да, жизнеспособность „С.-Петербургскаго Общества Художниковъ“ поразительна! Очевидно, уровень художества здѣсь такъ высокъ, что выбывшіе корифеи-сецессіонисты замѣняются кѣмъ угодно и что этой замѣны совершенно не замѣтно. Преудобное художество! *А. Растиславовъ.*

МАЛЕНЬКАЯ ХРОНИКА.

*** Пьеса, имѣющая всѣ шансы сдѣлаться модною — это „манчжурская“ пьеса. Называется она „Манчжурская гіена“. Принадлежитъ перу г. Манчжура, — псевдонимъ, скрывающій, вѣроятно, военнаго человѣка.

Пьеса—не батальная. Скорѣе — чеховскихъ настроеній и чеховскаго пессимизма. Рисуется жизнь русскаго сторожеваго отряда, заброшеннаго въ китайскую деревушку Хао-Би.

Обстановка оригинальная: дворъ кумирни; китайская фанза; башня съ гонгомъ и пушкой; на башнѣ русскій часовой; высокая, сложенная изъ камней стѣна—на заднемъ планѣ.

Реплика одного изъ дѣйствующихъ лицъ, капитана Любезнаго рисуетъ жизнь въ этой каменной ямѣ самыми безнадежными красками.

— Сидите вы, этакъ, вечеркомъ на этапѣ или, того еще хуже, на посту, въ грязной конурѣ, въ шинели или даже въ полушубкѣ. Отовсюду дуетъ. Печка накалилась докрасна. Но въ двухъ шагахъ отъ нея—три-четыре градуса. Угаръ страш-

ный. Глаза устали. Мозгъ не работаетъ. Отъ угара голова кружится, тошнитъ. Ляжете на постель — уснуть нельзя: съ одной стороны дуетъ вѣтеръ, съ другой—печка поджариваетъ. За бумажнымъ окномъ воетъ вьюга. Выйдешь изъ конуры — пороша такая, что въ 20 шагахъ солдатской фанзы не видать. А если-бы пороши не было, то кромѣ этой фанзы, ничего не увидѣли-бы, такъ какъ ничего нѣтъ. Ближайшій къ вамъ постъ, тоже съ офицеромъ, или даже безъ онаго, въ 35—40 верстахъ. Дѣла—абсолютно никакого. Ну-съ, живете вы этакъ недѣлю, мѣсяцъ, полгода... Какъ вы думаете, что съ вами можетъ случиться за эти полгода?..

Ужасное существованіе въ 8 тысячахъ верстъ отъ родины, среди совершенно чуждой природы, среди чуждаго и часто враждебнаго населенія... И какой можетъ быть результатъ такого существованія?..

— Сплошное безуміе по всей линіи... говоритъ капитанъ Любеный.

Не мудрено, что при такомъ прозябаніи у всѣхъ изъ груди вырывается одинъ крикъ: „Въ Срѣтенскъ, въ Срѣтенскъ, (Помните у чеховскихъ „сестеръ“: „Въ Москву, въ Москву“)...

А Срѣтенскъ—это грязный, вонючій городишка, рядомъ съ которымъ какой нибудь нашъ заштатный посадъ, показался бы столицей...

Пессимизмъ „Манчжурской гіены“ такимъ образомъ даетъ еще „сто очковъ впередъ“ пессимизму чеховскихъ пьесъ...

ПИСЬМА ИЗЪ САРАТОВА.

III.

Сезонъ кончился и нѣкоторыхъ не удовлетворилъ. Этому неудовольствію имѣется основаніе въ недалекомъ прошломъ нашего театра. Во времена г. Бородая драматическая труппа была значительно больше и, естественно, позволяла свободнѣе оперировать съ репертуаромъ. Нельзя сказать, что Бородаевское товарищество, обильное числомъ дѣйствующихъ силъ, составлялось по строгому плану, вполнѣ удачно. Нѣтъ. Отдавая должное М. М. Бородаю, и не умаляя его достоинствъ какъ антрепренера, мы не можемъ признать его планомѣрнымъ и послѣдовательнымъ организаторомъ. М. М. Бородай стремился стянуть къ себѣ лучшія силы, и это въ большей мѣрѣ ему удавалось. Когда-же, однако, труппа съѣзжалась на мѣсто, обнаруживалась маленькая ошибка: на одно амплуа, на одну роль имѣлось по 3 и по 4 исполнителя, а для другой роли—ни одного. Помню два характерныхъ сезона: одинъ годъ было до пяти артистовъ на любовно-героическія роли; другой годъ было буквально полдюжины энженю. Конечно, помимо желанія г. Бородая выходило, что въ одномъ пунктѣ черезчуръ густо, а въ другомъ пусто. Я хочу сказать, что бородаевская труппа, сильно импонируя числомъ, отнюдь не отличалась стройностью состава. И если мы доселѣ хранимъ теплое воспоминаніе о почтенномъ предпринимателѣ, то потому, что въ его труппахъ перебывали дѣйствительно выдающіяся дарованія, и еще потому, что репертуаръ шелъ свѣжій, интересный, вровень со столицами.

Для указаннаго „embarras de richesse“, г. Бородай имѣлъ простую возможность: его дѣло велось на товарищескихъ началахъ. Приглашая по пятку любовниковъ и постольку же героинь,—молодыхъ, переходныхъ и всякихъ,—предприниматель матерьяльно не рисковалъ. Приходилось-ли на марку полнымъ рублемъ или только четвертакомъ, дѣло отъ этого не останавливалось и не рушилось. Банкротство никому не угрожало. Послѣдствія неудачныхъ сборовъ несли всѣ, не исключая, разумѣется, и самого представителя товарищества.

Вспоминаю я объ этомъ вовсе не для попранія достоинствъ М. М. Бородая и не для возвеличенія таковыхъ Н. И. Собольщикова. Я желаю характеризовать не ихъ, а нашу публику и, пожалуй, городское управленіе, которое сдаетъ театръ. Удивительно мы требовательны и, на оборотъ, снисходительны, тамъ гдѣ не слѣдуетъ! Возьмите хотя-бы оперу. Ну, какую труппу мы можемъ умѣстить въ нашемъ дореформенномъ театрѣ! Хору въ 30 человѣкъ уже тѣсно, а балету въ 2 пары приходится прыгать на квадратномъ аршинѣ. Затѣмъ акустика... Въ одной ложѣ кажется, что у тенора г. Боначича необычайно сильный голосъ, а въ другой ложѣ понимаютъ, что силы не худо бы ему прибавить, Многіе посѣтители театра даже запомнили, съ какого кресла въ партерѣ хорошо или плохо слышно. Одинъ пѣвецъ острилъ: „для того, чтобы имѣть успѣхъ въ саратовскомъ театрѣ, надо пѣть въ правую сторону партера, а не въ лѣвую“! И вотъ въ такомъ-то помѣщеніи у насъ должнь быть, видите-ли, „сильная драма и хорошая опера“,—какъ пишется въ думскихъ протоколахъ по театральному вопросу. Полный сборъ по обыкновеннымъ цѣнамъ едва достигаетъ 700 руб. Умножьте эту незавидную цифру на мѣсячное число театральныхъ дней и вы увидите, что очень мудрено на такую сумму составить „сильную драму и хорошую оперу“. При этомъ еще саратовская дума, руководимая купеческимъ большинствомъ, никакъ не можетъ отказаться отъ чисто коммерческой точки зрѣнія. Почтенные гласные разсуждаютъ просто: ежели городу полагается взимать съ магазиновъ, которые *сдаются*, то надо брать и съ театральнаго заведенія, которое тоже *сдается*. Прежде брали аренду, но съ недавнихъ поръ, подъ давленіемъ времени, пришлось эту доходную статью переименовать... Стали брать не за театръ вообще, а за вѣшалки и буфетъ.

Казалось бы, саратовскому городскому управленію просто изъ коммерческихъ разсчетовъ, давно-бы слѣдовало замѣнить дореформенное зданіе другимъ. Это отвѣчало-бы и вкусамъ нашей требовательной публики, которая, заплативъ цѣлковый, желаетъ имѣть дорогихъ артистовъ. Только тогда мы въ правѣ будемъ требовать отъ антрепренеровъ дѣйствительно хорошую драму и дѣйствительно порядочную оперу.

Въ этомъ удобствѣ театра, построеннаго, кажется, еще полвѣка тому назадъ, я вижу важное „смягчающее вину обстоятельство“, для каждаго антрепренера, для каждаго арендатора, если онъ въ дѣлѣ рискуетъ однимъ своимъ карманомъ. Служеніе искусству—великая штука, но терпѣть убытки ради прекрасныхъ глазъ неуловимой музы не хочется.

Г. Собольщиковъ закончилъ сезонъ не съ убыткомъ, а съ порядочнымъ барышемъ. Спрашивается, какъ онъ получился? Да очень просто: съ казанскаго театра. Если бы въ распоряженіи г. Собольщикова, какъ опернаго предпринимателя, находился только саратовскій театръ, то несомнѣнно, что барыша не было бы ни копѣйки. Хоть опера была и не ахти какая, стоила не слишкомъ дорого, а все же и она не могла бы окупить себя. Еще драму порядочную мы можемъ содержать; ну, а звуки сладкіе—не по карману, не по нашему театру. Иначе говоря, Саратовъ имѣетъ оперу за счетъ Казани, да и доходы драмы особенно значительны опять-таки благодаря казанскому театру.

Солидный доходъ г. Собольщикова получился, главнымъ образомъ, отъ Казани, и еще оттого, что драматическая труппа не блистала ни количествомъ, ни качествомъ. Въ количествѣ недоставало, напримѣръ, исполнителя фатовъ; единственная салонная героиня г-жа Дальская не дослужила сезона. Да и во всемъ прочемъ было по одному исполнителю, за исключеніемъ развѣ „любовника-героя“, въ роляхъ котораго могли чередоваться гг. Двинскій и Петровъ-Краевскій. Въ качественномъ отношеніи труппа не болѣе какъ средняя; а въ количественномъ—неполная. Отсюда и барышъ.

Въ двухъ предыдущихъ письмахъ мы достаточно говорили объ отдѣльныхъ силахъ драматической труппы: среди нихъ, несомнѣнно, имѣлось нѣсколько интересныхъ исполнителей. Что касается репертуара, то онъ, какъ обыкновенно, не носилъ опредѣленнаго, выдержаннаго, характера. Пробовали раза три-четыре классиковъ, обращались иногда къ русскимъ бытовымъ пьесамъ, а больше всего гнались за новинками. Въ городѣ, имѣющемъ одинъ театръ, репертуаръ по необходимости долженъ быть пестрымъ. И то ужъ хорошо, если гг. директора не угощаютъ фарсами.

Вотъ оперу нашу, какъ и всякую провинціальную, нельзя упрекнуть въ разнообразіи. Въ видѣ постоянной, сезонной она существуетъ въ Саратовѣ лѣтъ 12, и за все это время мы слушали операъ 20—25, съ перемѣннымъ счастьемъ въ успѣхѣ. „Фаустъ“, „Демонъ“, „Онѣгинъ“... и опять сначала. Въ нынѣшній сезонъ мы познакомились съ „Черевичками“, съ „Богемой“ и съ изящной, нѣсколько наивной оперой Гумпердинка „Гензель и Гретель“.

Если судить по внѣшнимъ заявленіямъ симпатій, апплодисментамъ и букетамъ, то нынѣшней оперой многіе остались довольны, Особенные лавры пожали теноръ г. Боначичъ и колоратурно-лирическая пѣвица г-жа Боброва. Очень нравились также гг. Стефановичъ и Сокольскій. Слегка прихрамывалъ балетъ, немножко путался оркестръ и часто противодѣйствовалъ успѣху хоръ. Декораціи тоже пора подновить или по крайней мѣрѣ держать въ приличной чистотѣ. Когда мощный Самсонъ сокрушаетъ картонныя колонны храма, поднимается такая пыль, что хочется не внимать, а чихать. Въ заключеніи настоящаго бѣглаго письма позвольте еще отмѣтить выдающееся явленіе театральной жизни:—это удивительное развитіе психопатіи. Болѣзнь положительно стала эпидемической, проникла въ самыя юныя сферы и въ нынѣшній годъ, кажется, приняла наиболѣе острую форму. Къ сожалѣнію, въ этомъ больше всего виноваты сами гг. артисты. Они, къ прискорбію, живутъ овваціями, букетиками, билетиками, а психопатія все это дѣлаетъ даже съ „собственнымъ удовольствіемъ“. Нашумѣть ничего не стоитъ, но солидный и прочный успѣхъ создается не шумомъ.

Оба.

ПРОВИНЦІАЛЬНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

НИЖНІЙ-НОВГОРОДЪ. Масленица дала хорошіе сборы. Бенефисы слѣдовали за бенефисами. Всего ихъ было 5, два утромъ: г. Бѣляеву, помощнику режиссера („Багдадскіе пирожники“) и администратору г. Катанскому („Мученица“) и 3 вечеромъ: г. Басманова и г-жи Миртовой, въ кои былъ поставленъ „Вишневый садъ“, и 3 бенефисъ г. Горева, возобновившаго „Самоуправцы“ Писемскаго. Кромѣ того, утренниками шли: „Король Лиръ“, „Марія Стюартъ“, „Велизарій“ и „Измѣна“ а вечеромъ: „Велизарій“ и „Колдунья“ и прощальный сборный спектакль по бенефиснымъ цѣнамъ. Наилучшіе сборы сдѣлалъ „Вишневый садъ“. Сезонъ недоразумѣній кончился недоразумѣніемъ. Чествовать г. Басманова послѣ 1 акта явилась не вся труппа. Замѣтно было отсутствіе г-жъ Арди-Свѣтловой, Зиловой, Писарсвой-Марусиной и г. Строганова. Г. Горевъ въ своей рѣчи бенефиціанту говорилъ о недоразумѣніяхъ, бывшихъ въ сезонѣ, упоминалъ о Людовикѣ XIV и Помпадуръ, коимъ приписалъ извѣстныя слова: „aprés nous le déluge“. Г. Басмановъ въ отвѣтной рѣчи говорилъ, что онъ заботился о наилучшей постановкѣ дѣла, а недоразумѣнія объяснялъ нервностью актеровъ и ихъ уязвленнымъ самолюбіемъ. Публика же сидѣла и недоумѣвала, зачѣмъ ее призвали въ судьи закулисныхъ столкновеній.

Поставленъ „Вишневый садъ“ спѣшно и неудачно, За сценой неумолчно свистѣли самодѣльные соловьи. Исполненіе было рѣзкое, съ подчеркиваніями. Сравнительно удачно провелъ роль Фирса г. Бороздинъ, хотя медлительность его рѣчи дѣйствовала утомительно. Г. Басмановъ (Лапахинъ) игралъ не ярко. Г-жа Максимова (Аня) зачѣмъ-то взяла ноющій тонъ. Блѣденъ былъ въ роли Гаева и г. Горевъ. Г-жа Арди-Свѣтлова (Раневская) играла неровно и сбивалась съ тона. Г. Горинъ (Семеновъ Пищикъ) сыгралъ купца вмѣсто помѣщика. Недурно провели роль Яши г. Строгановъ и Вари г-жа Миртова. Что же касается самой пьесы, то я не раздѣляю и не понимаю ни восторговъ, кои она возбуждала въ Москвѣ, ни шуму, который она произвела.

Въ прощальномъ спектаклѣ наиболѣе шумно проводили г. Строгонова и г-жу Максимову, хорошій пріемъ былъ оказанъ г. Гореву, г-жамъ Арди-Свѣтловой и Писаревой Марусиной.

Сезонъ окончился съ небольшою прибылью. По свѣдѣніямъ „Волгаря“ валовой сборъ 57,849 р. (вѣроятно, съ благотворительнымъ сборомъ и за храненіе платья).

Война скорѣе усилила сборы. Дирекція ставила живыя картины на злобу дня.

Въ Народномъ домѣ изъ новыхъ пьесъ была поставлена „Ольгушка съ Подъяческой“. Изъ ансамбля выдѣлились г. Николаевъ и г-жа Лѣскова, хотя послѣдняя играла неровно. Сборы хороши.

Съ 16 февраля въ городскомъ театрѣ начались гастроли артистовъ московской частной оперы, прибывшей въ полномъ составѣ. Арендная плата 100 р. со спектакля. Всего предполагается дать 12 спектаклей.

Театральнымъ комитетомъ разрѣшено повысить плату на 10%, такъ что полный сборъ безъ подставныхъ стульевъ будетъ 1100 р. *Н. Сафоновъ.*

ЯРОСЛАВЛЬ. Какъ уже сообщалось въ „Театрѣ и Иск.“, Н. Н. Алмазовъ, предсѣдатель ярославскаго хорового общества отказался отъ аренды городского театра „въ виду возникшаго недовольства въ мѣстной прессѣ и среди мѣстной публики“ (заявленіе г. Алмазова въ городскую управу). Въ мѣстной газетѣ „Сѣверный Край“ былъ помѣщенъ рядъ статей г. А. Епифанскаго, въ которыхъ указывалось на необходимость правильной постановки театральнаго дѣла въ Ярославлѣ и на желательность передачи завѣдыванія театромъ изъ единоличныхъ рукъ члена городской управы въ театральную коммисію. Газета говорила также о томъ, чтобы съ антрепринера былъ потребованъ залогъ въ обезпеченіе артистовъ и т. д. По поводу этихъ статей возникла полемика между газетой и хоровымъ обществомъ, выступившимъ въ защиту своего предсѣдателя.

За отказомъ г. Алмазова театръ сданъ астраханскому антрепренеру П. П. Медвѣдеву, который будетъ имѣть двѣ труппы—одну въ Ярославлѣ, другую въ Астрахани. Сданъ театръ на тѣхъ же условіяхъ, на какихъ онъ сдавался всѣмъ прежнимъ антрепренерамъ—2000 р. арендной платы, 500 р. для улучшенія декорацій. Вѣшалка отдана антрепренеру, а буфетъ сданъ городомъ. Отопленіе и освѣщеніе театра электричествомъ возложено на антрепренера. Сдача театра г. Медвѣдеву встрѣчена сочувственно мѣстной публикой, которая ждетъ, что новый антрепренеръ дастъ хорошую драматическую труппу.

Зимній сезонъ у А. М. Каралли-Торцова закончился вполнѣ благополучно. Выручено 32 т. рублей (съ 26-го сентября по 9 февраля). Всѣхъ спектаклей было поставлено 92, пьесъ сыграно 57. Нѣкоторыя пьесы шли по два раза (въ общедоступные спектакли по пятницамъ), а пьеса „Петръ Великій“ и „Снѣгурочка“ по пяти разъ. Закончился сезонъ пьесой „Измѣна“ Сумбатова. поставленной въ первый разъ въ бенефисъ антрепренера. А. М. Каралли-Торцову были поднесены многочисленные подарки, вѣнки и адресъ отъ труппы. Публика отнеслась къ нему очень радушно.

Репертуаръ въ теченіе сезона былъ смѣшанный: на-ряду съ лучшими произведеніями драматической литературы дирекція ставила и очень неудачныя, безсодержательныя пьесы, дѣлавшія однако сборы въ Ярославлѣ... Постановка пьесъ была довольно тщательная.

Лучшій бенефисъ былъ у г. Алексина, пользовавшагося успѣхомъ, какъ куплетистъ на злобы дня. Онъ отличился также, поставивъ въ свой бенефисъ пьесу собственнаго сочиненія „За кулисами кафе-шантана“, благодаря которой взялъ полный и даже переполненный сборъ. *Х. У.*

КИШИНЕВЪ. Г. Петросіанъ кончилъ сезонъ съ значительною прибылью; съ 16 сентября по Великій постъ было поставлено 170 спектаклей, давшихъ валового прихода около 49,000 руб. Нѣкоторыя пьесы прошли съ хорошими сборами по 4—6 разъ, таковы: „Сильные и слабые“, „На днѣ“, „Фея капризъ“, „Фрина“, „Орленокъ“, „Измѣна“, „Нана“ и др., что въ провинціальныхъ городахъ большая рѣдкость. Репертуаръ былъ разнообразный. Утренники по уменьшеннымъ цѣнамъ охотно посѣщались и ставились во всѣ праздничные и воскресные дни. Историческія пьесы обставлялись въ декоративномъ отношеніи старательно. Труппа работала добросовѣстно. Ставилось 8 спектаклей въ недѣлю (вмѣстѣ съ утренниками), въ ноябрѣ были приглашены г-жа Евгеніева-Петипа и В. Петипа, молодые артисты, имѣвшіе успѣхъ, первая—въ роляхъ молодыхъ героинь (Фрина, Грѣшница, Нана, Маріонъ и т. д.), второй—какъ jeune premier и фатъ (Орленокъ, Георгій Претуровъ, Баронъ, Пракситель). Кромѣ нихъ составляли главныя силы труппы и пользовались заслуженнымъ успѣхомъ: г жи Токарева (Беата, Зайнобъ, Жигулсва, Претурова мать), г-жа Бронина (Застражаева, Сѣткина), г-жа Дараганъ (ingénue dramatique), Ильина (ingénue dramatique) Лаврова (grande dame); гг. Правдинъ (Кинъ, Чацкій, Яго, Маркъ, Претуровъ-старшій, Штокъ и м. др.), Петросіанъ (Леша, Отелло, Фламбо, Сатинъ, Отаръ бекъ), Масловъ (комикъ и режиссеръ), Савельевъ (Лука, Царь Ѳедоръ) Дубовицкій (Назарьинъ, Неронъ, кн. Шуйскій, Лотаръ, Несчастливцевъ), Морской (Клещъ, Лупъ-Клешнинъ, Тамбуриновъ, Тигелинъ), Панкратовъ (Актеръ, Богатый человѣкъ, Сулейманъ-ханъ), Лавровъ (Митричъ, Бубновъ, Корюковъ). Въ среду на масляной былъ данъ спектакль, валовой сборъ съ котораго г. Петросіанъ пожертвовалъ въ пользу Краснаго Креста. На слѣдующій сезонъ театръ Пушкинской аудиторіи остается опять за г. Петросіаномъ. *N.*

ВОРОНЕЖЪ. Театры на праздникахъ не отличались обычнымъ въ это время многолюдствомъ. Изъ новыхъ пьесъ были поставлены: „Безумная“, „Карьера Наблоцкаго“, „Его Превосходительство“, „Въ странѣ любви“, „Алчущіе и жаждущіе“, „Злая сила“. „Колдунья“, „Непогребенные“, „Пожаръ Москвы“ и „Измѣна“. Послѣдняя пьеса имѣла выдающійся успѣхъ и прошла нѣсколько разъ при полныхъ сборахъ. Эффектно прошли массовыя сцены. Для закрытія сезона въ бенефисъ антрепренера А. А. Линтварева была поставлена въ 1 разъ новая пьеса А. Чехова „Вишневый садъ“. По окончаніи пьесы, при открытомъ занавѣсѣ, труппа чествовала своего антрепренера. Г-жа Писарева прочитала адресъ отъ труппы. Г. Абловъ поднесъ антрепренеру-товарищу серебряную папку для адреса. Нѣсколько цѣнныхъ подарковъ было передано бенефиціанту черезъ оркестръ отъ публики. Сборъ былъ болѣе тысячи рублей.

Въ Лѣтнемъ театрѣ Городского сада, къ слову сказать теперь единственномъ въ городѣ за упраздненіемъ „Эрмитажа“, первые два мѣсяца будетъ подвизаться малорусская труппа Суслова. *А. С.*

БЕРДЯНСКЪ. Драматическая трулпа подъ дирекціей Е. В. Цукки закончила свой сезонъ съ большимъ дефицитомъ. Вотъ результаты сезона въ круглыхъ цифрахъ, доставленныхъ намъ. За сезонъ съ 1 октября 1903 г. по 8 февраля 1904 г. труппой дано было 78 спектаклей, которые дали валового сбора 8483 руб. Уплачено жалованія труппѣ 9426 руб. Вечеровой расходъ и бенефисный гонораръ артистамъ 3089 р. и 200 руб. арендныхъ городской управѣ. Итого расходъ 12715 р.

Не смотря на понесенный дефицитъ въ 4232 р., Е. В. Цукки аккуратно расплачивалась со всей труппой и со всѣми театральными служащими.

Со второй недѣли поста въ зимнемъ театрѣ ставятся драматическіе спектакли мѣстными любителями драматическаго искусства, въ пользу Краснаго Креста. *С. Виткинъ.*

ПОЛТАВА. Полтавцамъ въ нынѣшній театральный сезонъ, можно сказать, не повезло. Цѣлое лѣто почти были малороссы. Зимній сезонъ начатъ также малороссами. Если принять во вниманіе, что пьесы ставились все однѣ и тѣ-же, виданныя-перевиданныя, а въ смыслѣ талантовъ въ послѣдніе годы малорусская сцена идетъ замѣтно на убыль, то можно себѣ представить, какъ эти малороссы пріѣлись въ Полтавѣ даже самымъ заядлымъ „хохломанамъ“. Отсюда понятнымъ станетъ и то равнодушіе, съ какимъ публика относилась все это время къ театру.

Передъ самымъ уже Рождествомъ, наконецъ, появилась у насъ русская драматическая труппа г. Курскаго. Но, въ общемъ, труппа эта оказалась настолько слабой, а репертуаръ настолько

не интереснымъ, заѣзженнымъ, что даже въ слабой степени не могла удовлетворить современнымъ потребностямъ развитой театральной публики. И театръ пустовалъ. Среди артистовъ нельзя лишь не отмѣтить г-жи Волховской, артистки съ искоркой и задушевностью. Артистка относительно пользовалась замѣтнымъ успѣхомъ и симпатіями публики, посѣщавшей театръ. Вслѣдъ за ней можно еще назвать гг. Межевого, который также нравился публикѣ, и Новскаго, артиста съ небольшимъ дарованіемъ, но съ большой добросовѣстностію по отношенію къ дѣлу. Остальной составъ труппы заставлялъ желать очень много. Дѣла, конечно, были настолько не важны, что труппѣ пришлось выѣхать лишь благодаря субсидіи театральнаго бюро.

Съ Рождества до самаго Великаго поста въ театрѣ водворились снова малороссы—подъ управленіемъ Ярошенки. Сборы все время были плачевные.

За это время городъ посѣтили такія извѣстности, какъ, напримѣръ, Сарасате, Фостремъ и друг. Всѣ они сдѣлали большіе сборы. Большой сборъ сдѣлала и г-жа Вяльцева на этихъ дняхъ; но успѣха большого не имѣла.

Со второй недѣли поста ожидалась драматическая труппа во главѣ съ Шуваловымъ. Но, вмѣсто этого, явилась... оперетка подъ управленіемъ извѣстнаго въ опереточномъ мірѣ г. Левицкаго. Десятокъ безголосыхъ пѣвцовъ и пѣвицъ, конечно, не могутъ удовлетворить требованій публики, и оперетка дѣлаетъ слабые сборы, за исключеніемъ лишь пьесъ, пользующихся успѣхомъ чисто порнографически-скандальнаго свойства, какъ, напримѣръ, перелицованная „Монна Вонна“, „Натурщица“ и т. п.

Надо замѣтить, что въ Полтавѣ одинъ театръ—театръ такъ называемаго „просвѣтительнаго зданія“ имени Гоголя. Изъ какихъ побужденій и съ какими цѣлями это зданіе воздвигалось—говорить не приходится. Однако, съ первыхъ же дней всѣ эти благія цѣли остались какъ-то въ сторонѣ: театръ „просвѣтительнаго зданія“ имени великаго писателя-земляка превратился просто въ доходную городскую статью, и ради этой цѣли сюда пускаютъ, кого хотите и что хотите. Понятно послѣ этого возмущеніе лучшей части мѣстнаго общества подобнаго рода порядкомъ вещей. Да и какъ-же иначе? Сами посудите: „просвѣтительное зданіе“ имени Гоголя—и вдругъ... самая неподдѣльная и грубая порнографія... Какъ-то... „не тае“... не ладно...

Драматическая труппа во главѣ съ Шуваловымъ ожидается на пятой недѣлѣ поста... Несомнѣнно, мало-мальски сносная драма будетъ пользоваться успѣхомъ. Публика соскучилась по серьезнымъ зрѣлищамъ... *Д. Фрицъ.*

ИРКУТСКЪ. Въ городскомъ театрѣ у г. Вольскаго дѣла блестящія. Праздничные сборы почти всѣ полные. Репертуаръ послѣднихъ спектаклей: „Богатый человѣкъ“, „Орленокъ“, „Петербургскія трущобы“, „На днѣ“ и „Мѣщане“. Прошли бенефисы: г. Яковлева-Востокова („Король Лиръ“), Сарматовой („Старый закалъ“), Перестіано, Щепкина, а также г. Соболева, справившаго незадолго до смерти 40-лѣтній юбилей своей сценической дѣятельности. Представляя въ недавнее еще время довольно крупную величину въ любой провинціальной труппѣ, Е. Г. Соболевъ въ послѣднее время рѣдко выступалъ на сценѣ, служа въ антрепризѣ управляющимъ театромъ.

Сборы въ городскомъ театрѣ приближаются къ цифрѣ 70 т. руб., возможно, что за сезонъ будетъ взято около 90 т. р., что дастъ 20—30 т. р. прибыли. *П. Н. Колотиловъ.*

ТАШКЕНТЪ. Въ виду того, что профессіональныя труппы заѣзжаютъ къ намъ рѣдко и не надолго, у насъ процвѣтаютъ любительскіе спектакли. Кромѣ двухъ организованныхъ кружковъ („Ташкентское музыкальное общество“ и „Лира“) имѣется два кружка безъ всякой организаціи, рѣзко разъединенные какъ по своему общественному положенію, такъ и еще болѣе по своимъ артистическимъ качествамъ.

Лучшій изъ нихъ устраиваетъ спектакли исключительно съ благотворительной цѣлью въ обширномъ помѣщеніи мѣстнаго военнаго собранія. Тамъ же даютъ представленія (къ сожалѣнію, весьма рѣдко) съ трудомъ влачащіе свое печальное существованіе названные организованные кружки. Въ текущемъ сезонѣ только одна „Лира“ приготовила „Гейшу“, которая должна была пойти 29 января; но по случаю начавшейся войны съ Японіей была отмѣнена. Всѣ остальные спектакли, по почину разныхъ лицъ, давались неорганизованнымъ кружкомъ любителей.

Съ начала сезона было поставлено 9 спектаклей: „До поры до времени“ съ водевилемъ „Изъ-за мышенка“, „Кто въ лѣсъ, кто по дрова“, „Запорожецъ за Дунаемъ“, „Бѣлошвейка“, „На хлѣбахъ изъ милости“, „Сватання на Гончарівці“, „Женитьба Бѣлугина“, „Нищіе духомъ“ и „Джентльмэнъ“. *Украинскій.*

КАМЕНЕЦЪ-ПОДОЛЬСКЪ. Зимній сезонъ закончился 8 февраля „Высшей школой“. Г. Борисовъ, державшій вначалѣ оперетку, а затѣмъ драму, закончилъ сезонъ съ дефицитомъ. За мѣсяцъ до конца сезона Борисовъ прекратилъ платежъ жалованья, что повело къ коллективной просьбѣ артистовъ объ арестѣ кассы, произведенномъ полиціей въ послѣдніе три спектакля. Полученная такимъ образомъ, вмѣстѣ съ выданной городомъ субсидіей, сумма въ 1500 р. пошла на удовлетвореніе артистамъ по 81 к. за рубль. Въ общемъ, довольно удачно сформированная труппа, страдала отсутствіемъ героини и любовника. Въ женскомъ персоналѣ выдѣлялась г-жа Пшесецкая, съ успѣхомъ сыгравшая рядъ разнообразныхъ ролей Въ свой бенефисъ ставила „Волшебную сказку“. Полезныя дѣлу артистки Грюнвальдъ и Сербская. Среди мужского персонала пользовались успѣхомъ г. Донской, исполнитель характерныхъ ролей, г. Катарскій и Ивановъ-Двинскій. Выдѣлялся также г. Вербатовъ--молодой, подающій надежды артистъ. Г. Свѣтлякову, хорошему простаку, сильно мѣшалъ хриплый голосъ. Изъ новинокъ прошли съ успѣхомъ: „Искупленіе“, „Губернская Клеопатра“, „Высшая школа“, „Въ Гаграхъ“. Съ успѣхомъ прошла при личномъ наблюденіи мѣстнаго автора Е. А. Зеландъ-Дубельтъ пьеса „Живыя тѣни“. Автора много вызывали послѣ каждаго дѣйствія. На будущій сезонъ театръ сданъ г. Шейну съ субсидіей въ 3000 р. при условіи дать полъ-сезона оперу и полъ-сезона драму. *В. Серенинъ.*

Редакторъ А. Р. Кугель. Издательница З. В. Тимоѳеева (Холмская).

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ПАНАЕВСКІЙ ТЕАТРЪ.

Дирекція **А. И. Иванова.**

Комическая опера, оперетка.

Ежедневные спектакли.

12 ЧЕРНЫШЕВЪ ПЕР. 12
Телеф. 3548.
ЖЕНСКАЯ
ЛЕЧЕБНИЦА
Д-РА КОРАБЕВИЧА.
Постоянн. кров., акушер., женск. (венер.) и дѣтск. бол. **Массажъ свѣто-** и **электролѣч.** Ежедн. 11—12 ч. и 5—7 ч. в.

FABRIQUE DE POSTICHES. JEAN COIFFEUR de DAMES Morskaja, 5. Téléphone 3446.

Бр. Лейфертъ
СПБ. Караванная, 18.
предлагаютъ по возможно дешевой цѣнѣ отличнаго качества
ТРИКО
нитяное № 218—отъ 1 р. 85 к. до 2 р. 10 к.
полушолковое № 99—отъ 6 р. 15 к. до 7 р. 20 к.
шолковое № 104—отъ 1 р. 15 к. до 12 р. 25 к.
шолковое № 123—отъ 16 р. 80 к. до 19 р. 95 к.
Цѣны зависятъ отъ размѣра.

Центральная Театральная БИБЛИОТЕКА имени А.В. ЛУНАЧАРСКОГО

Торговый домъ Л. П. ЛЕВИТА, Варшава.

1—2 Золотая улица, № 29, телефонъ № 3398.

случайно откупивъ очень дешево большую партію столовыхъ приборовъ изъ твердаго совершенно бѣлаго металла серебристаго цвѣта съ фабричнымъ клеймомъ (Б. М.), покрытаго толстымъ слоемъ серебра, и желая чѣмъ скорѣе сбыть, я высылаю цѣлый гарнитуръ, необходимый въ каждомъ хозяйствѣ, состоящій изъ 33 нижеименованныхъ вещей, стоящій въ розничной продажѣ во всѣхъ магазинахъ 30 рублей 40 коп., а именно: 6 штукъ столовыхъ ложекъ 5 р. 50 к., 6 штукъ столовыхъ вилокъ 5 р. 50 к., 6 штукъ столовыхъ ножей 6 р. 50 к., 6 подставокъ для ножей 2 р. 50 к., 1 разливная ложка 3 р. 90 к., 6 чайныхъ ложечекъ 2 р. 50 к., 1 ситечка для чаю 1 р. 50 к., 1 щипцы для сахара 2 р. 50 к.; итого 30 р. 40 коп.

Только за 15 р. съ пересылкой. Въ Восточную Сибирь прибавляется разница вѣсов. Требованія высылаются по полученіи заказа наложеннымъ платежомъ и безъ задатка.

Адресовать: торговому дому **Л. П. ЛЕВИТА**, Варшава, центральная почта, ящикъ № 47.

P. S. Покорнѣйше прошу отнестись къ моему предложенію довѣрчиво, если предлагаемыя мною вещи окажутся не изъ накладного серебра на бѣломъ металлѣ, я высланныя вещи принимаю обратно, и уплаченныя деньги возвращаю немедленно. Совѣтую также торговцамъ не упустить этотъ случай и поспѣшить заказами.

ФИСГАРМОНІИ америк. фабр. КАРПЕНТЕРЪ

отличаются прекраснымъ ТОНОМЪ и СОЛИДНОЙ КОНСТРУКЦІЕЙ.

По образцу рисунка:

№ 4034. Съ 12 регистрами и 98 голосами 160 р.
№ 4037. Съ 12 регистрами и 122 голосами 175 „
№ 4065. Съ 16 регистрами и 196 голосами 250 „

другихъ образцовъ въ 130 и 300 р.

ФИСГАРМОНІИ (ГАРМОНІУМЫ) извѣстной фабрики Шидмайера рекомендованныя Генаельтомъ, Листомъ, Главачемъ, въ 150, 225, 300, 350 р. КОНЦЕРТНЫЕ въ 400, 600 р. съ ДВУМЯ КЛАВІАТУРАМИ въ 750 и 1000 р., МОДЕЛЬ ГЛАВАЧА 2000 р., ДРУГИХЪ ЛУЧШИХЪ ФАБРИКЪ въ 40, 65, 85, 100, 110, 130, 160, 175, 185, 200, 225, 275, 300, 350 и 375 р.

Ноты въ большомъ выборѣ. Самоучитель Пахе въ 2 руб.

ДОПУСКАЕТСЯ РАЗСРОЧКА.

Юлій Генрихъ ЦИММЕРМАНЪ

С.-Петербургъ, Морская, 34. Москва, Кузнецкій м., д. Захарьина.

Театръ „ПАССАЖЪ"

(Невскій, 48, Итальянская, 19). ✱ Телефонъ № 2779.

Дирекція В. А. Казанскаго.

Комическая опера, оперетта, обозрѣнія, балетъ, дивертиссементъ (по праздникамъ утренніе дѣтскіе спектакли).

Сезонъ 1903—1904 г.

ЕЖЕДНЕВНЫЕ СПЕКТАКЛИ.

Театры СПБ. Городского Попеч. о народной трезвости.

Народный домъ Императора Николая II.

Въ Воскресенье, 7-го Марта, днемъ: 1) „БѢДНОСТЬ НЕ ПОРОКЪ", ком. 2) „ПРЯНИЧНЫЙ ДОМИКЪ", оп.; вечеромъ: „СНѢГУРОЧКА", оп.—8-го: „СЕВАСТОПОЛЬ".—9-го: 1) „ЮЛАНТА", оп., 2) „ПАЯЦЫ", оп.—10-го: въ 1-й разъ историческая пьеса: „САНКТЪ-ПИТЕРБУРХЪ", въ 5 д. 10 карт. соч. Жданова.—11-го: „РУСАЛКА", оп.—12-го: „САНКТЪ-ПИТЕРБУРХЪ".

ТЕАТРЪ ОБЩЕДОСТУПНЫЯ РАЗВЛЕЧЕНІЯ (6. Стеклян. зав.).

Въ Воскресенье, 7-го Марта: „ГОРНОЗАВОДЧИКЪ".—11-го: „МАЮРША".

Завѣдыв. театр. частью А. Я. Алексѣевъ.

Театръ-концертъ „АЛЬКАЗАРЪ".

ЕЖЕДНЕВНО.

Фонтанка, 13. ☎ Телефонъ № 1968.

Новые интересные дебюты! Грандіозный экстраординарный вечеръ новыхъ дебютовъ. Новые! интересные артисты! Дебютъ знамен. французск. Trio Балази замѣчат. гимнасты La belle Перла, изв. комическ. артистки Терка Земелонъ, румынск. пѣв. Элизы Ботезъ, интерн. шан. пѣв. m-lles Руберть Гугетъ, Г-жи Флорансъ, Г-жи Мальцевой, изв. куп. А. М. Войцеховскаго, хора Г-жи Ольгиной, труппы Яковлевой, труппы Каллай, квартета „Сафо", концертъ оркестра подъ управ. Г. Штейнбрехера.

Начало въ 8 часовъ вечера.

Управляющій А. Малышевъ.

Режиссеръ А. Вядро.

Печатается:

„ОДИНОКІЙ ПУТЬ",

драма въ 5 д. соч. **А. Шницлера**, переводъ **П. П. Немвродова**.

Изданіе журн. „Театръ и Искусство".

На-дняхъ выйдетъ новое изданіе **журнала „Театръ и Искусство"**.

„РАБСТВО",

др. Е. Дубельтъ.

(Премир. на конкурсѣ Н. Н. Соболь-щикова-Самарина). Цѣна 2 р.

ОБЩЕСТВО МОСКОВСКО-ВИНДАВО-РЫБИНСКОЙ желѣзн. дор.
6193 **ЦАРСКОСЕЛЬСКАЯ ЛИНІЯ.** 1—1

ПАВЛОВСКІЙ ВОКЗАЛЪ.

Въ объявленіи, напечатанномъ въ № 9 „Театръ и Искусство“, вкрались двѣ ошибки, которыя Правленіе Общества Московско-Виндаво-Рыбинской желѣзной дороги считаетъ необходимымъ исправить:

1) Входъ въ вокзалъ **безплатный** въ теченіе **всего** (а не только весенняго) **сезона**, за исключеніемъ **восьми платныхъ** вечеровъ.

2) Оркестръ Л.-Гв. 1-го Стрѣлковаго Его Величества баталіона, подъ управленіемъ Г-на Сабателли, будетъ играть въ саду на **прежнихъ условіяхъ**, а не только въ антрактахъ музыкальныхъ вечеровъ.

Г-жа **ЛИРСКАЯ** 1—1
(инженю и молодая героиня) и комикъ и харак. актер. и режиссеръ
Г. **ПОМПА-ЛИРСКІЙ**
свободны на лѣто и зиму. Отдаютъ на прокатъ костюмы и библіотеку для драмы. Условія письменно. Адресъ: г. Бобруйскъ, театръ.

СВОБОДЕНЪ
на предстоящій лѣтній сезонъ
Я. М. ЛЮБИНЪ
комикъ и комикъ-резонеръ. Условія по соглашенію. Адресъ: г. Кременчугъ, театръ.
6195 1—1

Театръ Литературно-Художественнаго Общества.

(Малый театръ, Фонтанка, 65). 1—1

Спектакли Московскаго Художественнаго театра.

Открыта и продолжается продажа билетовъ на послѣднія семь серій спектаклей, по двѣ пьесы въ каждой серіи: **„Юлій Цезарь“**, траг. Шекспира, въ перев. Д. Л. Михаловскаго и **„Вишневый садъ“**, А. П. Чехова.

О дняхъ спектаклей **каждой серіи** будетъ публиковаться особо.

Касса **ежедневно** открыта съ 10 час. утра до 6 час. веч.

ЗЕМЛЯ УЧАСТКАМИ ПРОДАЕТСЯ
съ разсрочкой платежа

въ живописной мѣстности, станція Перкіярви, Финл. ж. д., имѣніе Славина. Постройки возводятся Выборгскимъ Акціонернымъ Строит. Обществомъ на льготныхъ условіяхъ. Обращаться на мѣстѣ, или въ Петербургѣ—В. О., 2-я л., д. 41/13, уг. Средняго.

СВОБОДНЫ 1—1
на предстоящій лѣтній сезонъ
И. Ф. СКУРАТОВЪ
комикъ и характерныя роли и
Л. Л. РЫЛѢЕВА
инженю - комикъ. Условія по соглашенію. Адресъ: г. Кременчугъ, театръ.

ПОЛТАВСКІЙ

городской зимній театръ сдается на весенній (съ Пасхи) и зимній сезоны, какъ гастрольнымъ такъ и постояннымъ труппамъ. Вмѣщаетъ 1028 человѣкъ. Декорацій достаточное количество. Освѣщеніе электрическое. За подробными свѣдѣніями обращаться въ контору театра къ завѣдывающему
6190 **В. Пархомовичу-Викторову.** 3—2

Отдается въ аренду садъ

ОТРАДНОЕ

въ г. Астрахани на сезонъ 1904 г.

За условіями просятъ обращаться въ г. Тифлисъ, Циркъ бр. Никитиныхъ.
6189 2—2

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

ТИФЛИССКІЙ КАЗЕННЫЙ ТЕАТРЪ

сдается подъ русскую драму съ Пасхи на два мѣсяца, а равно съ сентября настоящаго года подъ русскую оперу на весь зимній и великопостный сезоны 1904—1905 года.

Кондиціи могутъ быть высланы дирекціей театра по первому требованію.
6187 4—3

Л. А. ВОЛГИНА
драм. старух. и gran-dame свободна, г. Мелитополь, Тавр. д. Бѣленькаго.
1—1

Разрѣшено СПБ. Столичнымъ Врачебнымъ Управленіемъ на общихъ основаніяхъ о торговлѣ, какъ не содержащее въ составѣ своемъ вредныхъ здоровью веществъ.

НАТУРЕЛЬ **КРАСКА для ВОЛОСЪ ГОЛЛЕНДЕРЪ.**

Самая безвред. и прочная, окрашивающая волосы въ ватур. цвѣта: черный, каштанов. и темнорусый.

КРАСКА НАТУРЕЛЬ не имѣетъ дурного вліянія на волосы. Ц. коробки 1 р. 50 к., съ перес. въ Европ. Россіи 2 р. Требовать во всѣхъ аптек. и парфюм. магаз. Россіи.

Главн. складъ у изобрѣтателей: Торговый домъ „Парфюм. Лаб. І. Голлендеръ“, СПБ., Разъѣзжая, 13.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 6 Марта 1904 г.

Типографія Спб. Т-ва „Трудъ“. Фонтанка, 86.